

The background of the book cover is a dark, atmospheric illustration. It features a dense thicket of green foliage and flowers, possibly lilies, in shades of green and blue. In the lower foreground, an open book with yellowed, aged pages lies on a dark, textured surface. To the right of the book, a single lit candle stands, its flame casting a warm, yellow glow that illuminates the book and the surrounding darkness. The overall mood is contemplative and spiritual.

ВОЗНЕСЕНИЕ ДУХА

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРЯЕВ

Владислав Петряев

Вознесение духа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364295

Вознесение духа. /В. В. Петряев: Э.РА (Э.Б.Ракитская); Москва; 2011

ISBN 978-5-905016-12-7

Аннотация

Книга известного пензенского поэта Владислава Петряева «Вознесение духа» включает в себя стихи разных лет и крупные поэмы, написанные на животрепещущие темы: от лирики до острых экологических, политических, социальных, нравственных и мировоззренческих проблем.

В своих произведениях автор выступает против религиозного догматизма. Книга адресована широкому кругу любителей современной поэзии.

Содержание

Предисловие к изданию	11
Истины грядущего	17
Стихотворения	23
• • •	23
• • •	25
• • •	27
• • •	28
1976 г	29
• • •	29
• • •	30
• • •	31
1986 г	32
1994 г	34
• • •	34
• • •	35
• • •	36
• • •	36
1995 г	37
• • •	38
• • •	38
• • •	39
• • •	39
• • •	40

• • •	40
• • •	41
• • •	42
Оле	43
• • •	43
1996 г	45
• • •	45
• • •	47
• • •	48
• • •	49
• • •	49
• • •	49
• • •	50
• • •	54
1997 г	56
• • •	57
1998 г	58
• • •	58
• • •	59
• • •	60
• • •	60
• • •	61
• • •	62
• • •	63
• • •	63
• • •	64

• • •	65
Жаворонок	66
1999 г	68
• • •	68
• • •	68
• • •	69
• • •	70
• • •	71
В Москве	71
• • •	72
• • •	72
• • •	73
• • •	73
• • •	74
• • •	76
• • •	76
• • •	77
• • •	78
• • •	79
• • •	80
• • •	80
• • •	81
• • •	81
• • •	82
• • •	82
• • •	83

• • •	84
• • •	84
• • •	85
• • •	85
• • •	85
• • •	86
• • •	86
• • •	87
• • •	88
• • •	88
• • •	89
• • •	89
• • •	91
• • •	92
• • •	92
• • •	93
• • •	94
• • •	95
• • •	95
• • •	95
• • •	96
• • •	96
• • •	97
• • •	99
• • •	100
• • •	101

• • •	101
• • •	102
• • •	102
• • •	103
Брату Валерию	103
• • •	104
• • •	105
• • •	106
• • •	107
• • •	108
• • •	108
• • •	109
• • •	110
• • •	110
• • •	111
Таинство ночи	111
• • •	112
• • •	113
• • •	114
Н. Подмурному	114
• • •	116
• • •	116
• • •	116
• • •	117
Гармонист	117
• • •	118

• • •	120
• • •	120
• • •	120
2000 г	122
• • •	123
Жанне	123
• • •	124
• • •	125
• • •	126
• • •	126
• • •	127
• • •	127
• • •	128
Оле	129
• • •	130
• • •	132
• • •	133
• • •	134
• • •	134
• • •	135
• • •	136
• • •	137
• • •	137
• • •	138
Сыну	139
• • •	139

Сыну	140
Плач Марии	140
• • •	143
Н. Илюхе	145
• • •	146
• • •	146
Т. Мальковой	147
В.Еськину	148
Н. Куликову	149
• • •	150
• • •	151
• • •	152
Мой Гимн России	152
• • •	153
2001 г	155
• • •	155
• • •	155
• • •	157
• • •	158
• • •	159
• • •	159
• • •	159
Старик	160
• • •	162
• • •	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Владислав Петряев

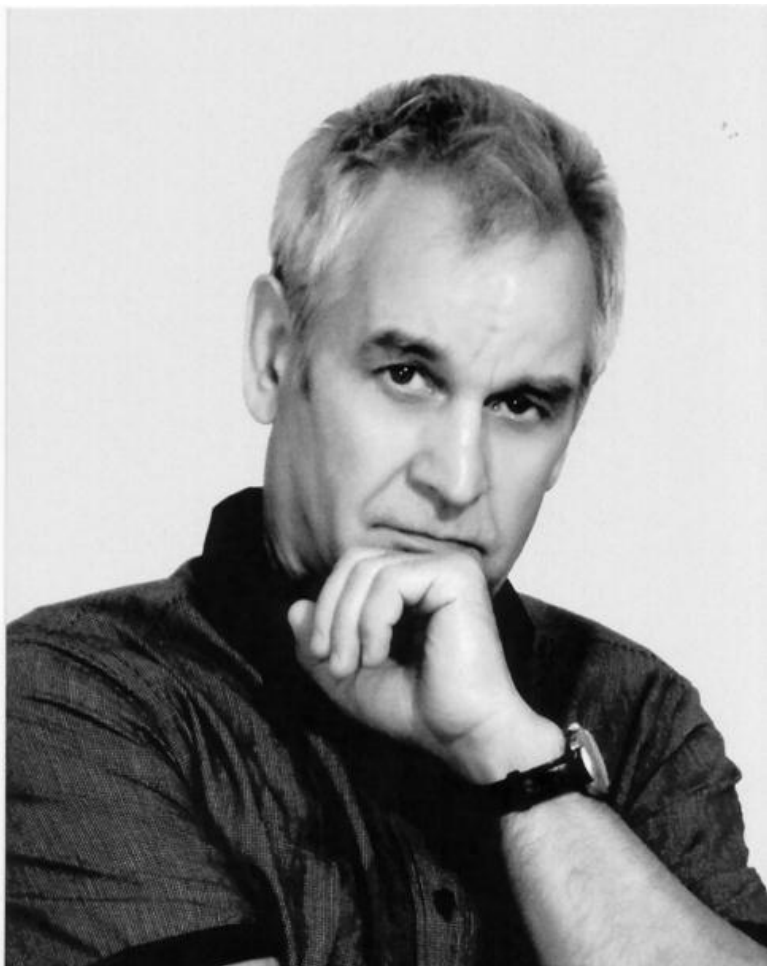
Вознесение духа

*С благоговеньем, нежностью и грустью
посвящаю этот сборник стихов моей незабвенной
маме – Петряевой Раисе Константиновне*

*В печали о тебе я к радостям остыл,
К тебе своею музой устремляюсь,
Мне свет земной без глаз твоих не мил,
Тобой остаток жизни освещаюсь.*

*Не я, так кто? – Из этого иду,
И снова в бой за истину бросаюсь!*

Предисловие к изданию

Выпуская второй сборник стихов под общим названием «Вознесение духа», я имею в виду не вознесение духа в его мистически-религиозном представлении об отделении души от тела после смерти и её вознесении в неизвестном направлении на небеса, а только в материалистическом понимании. Человек, являясь продуктом общественного бытия и воздействующего на него общественного сознания, активно развивая себя самостоятельно физически и интеллектуально, реализует свои знания или свой дух в продуктах своей деятельности, тем самым как бы материализуясь в них. В этом, и только в этом случае, я говорю не просто об обусловленности отдельного индивида этим общественным бытием и этим общественным сознанием, но и о самостоятельном познании и развитии себя индивидом, развитии им самим своего Я и одновременно реализации этого Я в продуктах своей деятельности и творчества. Достигая тем самым подлинности и уникальности своего разумного существования, не обедняемого религиозной мистификацией.

Будучи кандидатом философских наук и юристом, многие годы изучая политическую экономию, историю древних цивилизаций и мифологий, десятки лет интересуясь открытиями в области палеонтологии, биологии, генетики, физики элементарных частиц, с раннего детства увлекаясь художественной литературой, я не мог выразить себя в условиях того социализма, в котором жил и который ограничивал гуманитарное творчество рамками догматических установок,

не давая возможности высказать и, тем более, печатать свои действительные мысли и чувства. Затаённый страх и безысходность ограничивали возможности тех, кто не мог и не хотел приспособиться к этим условиям. К тому же в 1981 году меня исключили из партии за «непартийную оценку некоторых сторон общественной жизни» и уволили из института. Так настали годы работы юрисконсультom и вынужденного молчания под бдительным оком КГБ. Тогда было совсем не до стихов.

Затем пошли годы перестройки, реформ, мучительные годы ломки всей системы общественных отношений, институтов и сознания. И только в 58 лет, мучаясь от нереализованности своих возможностей, я, наконец-то, нашёл в себе силы начать писать стихи, одновременно изучая теорию стихосложения, ещё и ещё раз читая и перечитывая Гомера, Вергилия, Данте, Шекспира, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многих наших и зарубежных поэтов, учась у них технике стихосложения, их способности обнажать те социальные и нравственные проблемы, которыми жило общество.

При этом я не мог согласиться с теми литераторами, в том числе и с Белинским, которые считают стихами только лирические стихи, воспевающие любовь, природу, нечто светлое и прекрасное. Если встать на эту точку зрения, то надо отбросить Гомера, практически всю античную поэзию, трагедии и драмы Шекспира, Пушкина и т. д. Собственно, Бе-

линский и делал это, когда писал, к примеру, в своём обзоре «Русская литература в 1842 году»: «Так, например, «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» Пушкина – настоящие стихи; «Онегин», «Цыганы», «Полтава», «Борис Годунов» – уже переход к прозе; а такие поэмы, как «Сальери и Моцарт», «Скупой рыцарь», «Русалка», «Галуб», «Каменный гость», – уже чистая, беспримесная проза, где уже нет совсем стихов, хоть эти поэмы писаны и стихами».

Вот такая логика: поэмы писаны стихами, но это не стихи! И теперь уже те, кто пишет небольшие стихи о любви, природе и своих светлых чувствах, категорически заявляют: всё, что не лирика – это не стихи. А что? Пушкин писал: «Пишу не роман, а роман в стихах, – дьявольская разница». Тем не менее, роман «Евгений Онегин» он относил именно к стихотворным творениям! И с этим нельзя не согласиться. И в наше время один из классиков теории стихосложения Томашевский писал по этому вопросу: «Различие между стихом и прозой заключается в двух пунктах: 1) стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь; 2) стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает». Спрашивается, какие ещё нужны доводы?

В сборнике читателю откроется обширная тематика: от лирики до экологических и острых мировоззренческих проблем, поставленных временем; от небольших стихотворений

до крупных поэм, написанных, в том числе, и белым стихом, используемым всеми поэтами при написании крупных произведений. При этом я полностью отдаю себе отчёт в том, что, как и прежде, не всеми буду понят и воспринят, поскольку снова не вписываюсь в ту идеологическую и политическую ориентацию общества, которую едва ли не насильно навязывают политики и теологи России под эгидой развития духовности и нравственности, втягивая страну в очередную ложь теперь уже религиозного догматизма, пытаясь через него воспитать покорность, смирение перед властью и церковью, не понимая (или не желая понимать), какие они взращивают семена будущих конфликтов, основанных теперь уже не только на социальной, но и на национальной и религиозной почве. Конечно, церкви, превратившей религию в бизнес, это выгодно, поэтому она уже сегодня добивается от власти отказа от материалистического взгляда на устройство мира в системе образования, а следовательно, и научного познания как такового. Однако возврат к кукольно-архаическим отношениям, возможным лишь в условиях патриархальной, неграмотной России, приведёт её или к откату от тех достижений в области науки, техники, культуры, которых она достигла, пройдя через величайшие муки и многовековые страдания, или также, как и в Европе, религии не будет придаваться того показного и даже политического значения, которое лицемерно демонстрируется у нас, когда в нарушение конституционных норм послушное чиновничье

сословие в каждом рабочем кабинете вывешивает иконы.

Удивляясь столь резкому повороту общественного сознания в сторону религии, я всё же надеюсь, что сам уровень образования и интеллекта россиян, а также огромные достижения в области естественных наук, постепенно будут выводить сознание россиян из архаических представлений.

Я вовсе не мечтаю своими стихами исправить человеческое невежество и предрассудки, мне важно указать на опасности, грозящие обществу. Этого довольно. И пусть сами читатели определяют, насколько я близок к истине.

Пенза, 2011 г.

В. Петряев

Истины грядущего

Рецензия на творчество

известного пензенского

поэта Владислава Петряева

С большим интересом ознакомился с новыми произведениями Владислава Петряева. Его стихотворения написаны по классическому образцу, то есть в них прослеживается чёткий поэтический ритм, выверенный стихотворный размер, стихи рифмованны. По содержанию, по эмоциональной наполняемости, по новаторским приёмам эти стихи, конечно же, заслуживают одобрения. Здесь Владислав Васильевич выступает как профессиональный художник, искусно владеющий словом.

Однако, как незаурядный мыслитель, Петряев стремится выразить свой внутренний духовный потенциал в более крупных художественных произведениях. Это естественно: если есть творческие силы, энергия души, уверенная до святости гражданская позиция, – поэт не остановится на форме четверостишия, даже на форме развёрнутого стихотворения... Он обязательно попробует свои силы в более крупном литературном жанре, например, в жанре поэмы. Известны эпические произведения древности – эпопеи: «Илиада»,

«Одиссея», «Песнь о Роланде», предусматривающие черты историчности, героического содержания, легендарности, патетичности. Поэмы А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, А.Т. Твардовского, Е.А. Исаева, бессюжетная лирическая поэма А.А. Ахматовой «Поэма без героя» написаны уже открыто выраженным лирическим пафосом, где автор – участник или вдохновенный комментатор события.

И я встаю,
Тревогу бую
Всей многотрубной медью.
Я Гансу руку подаю,
Тебе же, Хорст, помедлю.

Это позиция лирического героя (автора) Егора Исаева в его поэме «Суд памяти».

Естественно, как автор глубоко мыслящий, обладающий обширнейшими познаниями во всех сферах жизни, начиная с эпохи Гомера и до нынешних дней, Владислав Петряев в своём творчестве не обошёл эпический жанр. Первая его книга поэма о Г.К. Жукове, величайшем полководце, издана и получила высокую оценку не только читателей нашей области, но и научных сотрудников музея Г.К. Жукова, Президента военных наук, участника Великой отечественной войны, генерала армии Гареева М.А., посла США в России Джона Байерли, Российской государственной библиотеки и др.

Свою новую книгу Владислав Васильевич назвал «Воз-

несение духа». В неё вошли многочисленные стихи разных лет, написанные на самые разные животрепещущие темы, а также поэмы. Нисколько не умаляя достоинства стихов и поэм автора «Российский передел», «Религиозная опасность», «М. Лермонтов», «Размышления при чтении главы о богослужении каторжан в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», хотелось бы остановиться подробнее на поэме «Сказание о воскрешении».

Надо отметить, что тема материала повествования вроде бы не нова. На тему об Аде писали и Вергилий, и Данте. Однако в отличие от указанных авторов, тему Ада Владислав Васильевич использует для изначально поставленной им цели: с материалистических позиций показать несостоятельность самой идеи воскрешения. При этом автор в своём сказании идёт от современности, выворачивая наизнанку все слои общества, всех великих и «невеликих». Все они в Аду. Их страшно карают там за прегрешения при жизни на белом свете.

Автору вроде бы снится сон о том, что верховный древнегреческий бог Зевс решил воскресить всех умерших и исполнить обещания пророков, так и не выполнивших их. Однако прежде чем принять окончательное решение, он собрал на высоком Олимпе узкий круг своего семейства с повесткой дня: «Воскрешать всех умерших, или не воскрешать?». В семейном совете приняли участие его братья Аид с Посейдоном, жена Гера, и сестра Деметра...

Здесь надо отметить отменные познания Петряева в Античной культуре, литературе, мифологии. Он знает не только имена богов, но и их характеры, кто на что способен, кто за что отвечает. Так, Гермес – посланник богов, ему и поручено отыскать во Вселенной всех когда-либо существовавших у народов богов и пригласить их на Олимп для решения этого вопроса.

За полгода «перелётов» Гермес, к удивлению древнегреческих богов, не нашёл во Вселенной ни одного бога. Тогда верховный бог Зевс решил спуститься в Ад и посмотреть на тех, кого он сам отправлял туда толпами со всего света и кого удумал воскресить: исправили их страдания или нет, можно ли их воскрешать? И он, вместе с братом Аидом, властителем подземного царства, отправляется в Ад. С ним же (во сне) отправляется и лирический герой (автор) поэмы. Он видит в царстве мёртвых, какие муки уготовили «служители» Ада грешникам. За ложь при жизни на белом свете – одна кара, за обжорство, прелюбодеяния, скотскую жизнь – другая. Самые страшные муки уготованы душегубам, тем, кто развязал страшную войну, погубившую миллионы и миллионы людей. В Аду участь их ужасна. В первую очередь это касается Гитлера и его ближайшего окружения. Не менее страшные муки терпят и все фашисты, принёсшие народам неисчислимые страдания и горе, спалившие Хатынь вместе с женщинами и детьми, а также убийцы, насильники.

Здесь же, в Аду, автор видит великих поэтов, учёных,

композиторов, певцов, пророков, беседует с Лениным, смотрит на муки Сталина, по мнению автора, загубившего «механизмом» НКВД миллионы человеческих жизней... По-человечески всё это конечно и любопытно, и интересно.

И всё же после осмотра семи кругов Ада, вдумчивых бесед с пророками, верховный бог Зевс решает воскресить умерших: и тех, кто умер вчера, и тех, кто умерли десятки тысяч лет назад. И он это сделал! На бедную Землю пришли миллиарды и миллиарды новых «жильцов». Но каково им, воскресшим! Им негде жить, у них нет работы, им нечего есть, они голодают вместе с живущими на белом свете: всё съедено, даже воды нет. И воскресшие, вместе с теми, кто жил ранее, испытывая страшные муки на земле, пустынной, голодной, смердящей валяющимися повсюду трупами, вымирают на всех континентах.

Вывод лирического героя повествования таков: воскрешение мёртвых – иллюзия, религиозный обман. Его сознательно внедряют для того, чтобы держать народы в покорности и повиновении, служа церкви, власти и бизнесу...

Может, это и так. Но на сегодняшний день очень многие начали молиться другой идеологии, и очевидно, что этот труд будет воспринят всеми далеко неоднозначно...

Поэма написана белым стихом, хотя он – не везде «белый», и допускается произвольное рифмование. Язык поэмы – смешанный, на одном говорят и боги, и смертные...

Особо хотелось бы отметить, что сама необычная поста-

новка проблемы, последовательно и скрупулёзно раскрываемая в поэме «Сказание о воскрешении», как и вся книга в целом, заинтересуют не только сегодняшних читателей, но будут востребованы и в завтрашнем дне. И может быть, первопроходцем к этому завтрашнему дню развития народов и держав будут произведения русского поэта Владислава Васильевича Петряева.

Член Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры

 – Николай Куленко

Стихотворения

Я гнал себя, пришпоривал, как мог,
Издать чтоб первый сборник к юбилею¹,
Устал тогда, не уложился в срок,
Но всё ж издал и вовсе не жалею!
Себе и всем наглядно показал:
Писать стихи – совсем не так-то просто.
И если я поэтом всё же стал,
То это плод огромного упорства.
В том – первом – сбои были: ерунда!
Я мысли, дух свой выбросить стремился,
Отбросил страх чьего-то там суда
И этой цели, в принципе, добился.
Утёрши пот, неточности убрав,
Уверенно себя в бой снова кинул,
И зубы сжав, и силы все собрав,
Поднял стихи на новые вершины.
И вот я вновь, читатель, пред тобой,
Исправленный, окрепший, усложнённый,
Помысли вместе, рядышком со мной:

¹ Хотел выпустить сборник к своему 60-летию (2001 г.), но он вышел в 2002 г.

Надеюсь, будешь больше просветлённым.

О, Музы, молю вас, настройте мне душу
На длинную песню о жизни певца,
Взволнуйте её, я немножечко трушу,
Началу внимая, не видя конца.

Я много за жизнь испытал вдохновений,
Немало наук обострённо впитал,
И можно ль позволить, чтоб дух дерзновенный
С останками тела в земле пребывал?

Отрину его, лишь бы силы хватило,
Спою, что отверг или принял умом,
И клясть меня будут, и тратить чернила,
Но я улыбнусь лишь на этот содом.

Как будто бы нечего больше страшиться —
Россия свободу свою обрела!
Но с яростью вновь я обязан трудиться,
Пока она в рабство к попам не ушла.

На них она, слабая, в муках взирает,
Религией хочет духовность поднять,
При этом и Ленина культ сохраняет,
И ниц пред попами готова упасть...

Безумье, безумье над нами витает,
Свободы не вижу, о ней вновь кричу,
В плену у иллюзий народ пребывает,
А я его мыслью наполнить хочу...

Я многим за долгую жизнь увлекался,
По свету мотался – один, без ветрил,
Сжав зубы до боли, с волнами сражался,
Топили меня – я выныривал, плыл.

И, берег увидев, душой укреплялся,
Стенал я и плакал, но слабым не слыл.
На берег же выйдя, вновь в бой устремлялся,
От трудностей дух мой сильнее лишь был.

Кем только я не был, за что не хватался,
Но счастье прошло от меня стороной,
Себя не раскрывши, стихами занялся —
Они – мой последний, отчаянный бой.

В борьбе и исканьях был жизненный путь,
В борьбе сам с собою его завершаю,
Не знаю, осталось мне сколько тянуть,

Но дух свой готовым к борьбе сохраняю.
Его вознесу я в прощальных стихах,
Ни в бога, ни в чёрта, в науку лишь веря,
Останусь вот в этих усталых строках,
И пусть меня судит бездумное время.

1976 г

Сколько тайны в ночи лунной,
Как торжествен неба свет,
Я сижу у речки чудной —
Слушаю рассвет.
Вот зарница полыхнула
В небе у реки,
Тенью что-то промелькнуло,
Словно лешаки.
Наконец, чуть просветлело,
Отступила тьма.
Небо нежно заалело,
Жуть ночи прошла.
Лёгкой рябью в речку тихо
Ветер чутьдохнул,
Сил набрал, промчался лихо,
Волнами плеснул.
Холод вдруг коснулся тела —
Зябко у реки.
Рыба резво вверх взлетела —
Плюхнулась в круги.
Я сижу и наслаждаюсь

Утра красотой,
Перед ней всегда теряюсь,
Будто сам не свой.

Слышу я земли рыданье,
Всех усопших плач.
Кто им вынес наказанье,
Кто у них палач?
Бог ли в смерти всех виновен,
Или мир идей,
Кто убийца, кто крамолен,
Кто здесь фарисей?
Рай обещан был на небе,
Царство на земле,
Только где же эта – Геба²,
Если мёртвы все?
Где же равенство и братство,
Счастье на земле,
Где всеобщее богатство,
Если нищи все?

² Геба – в греческой мифологии богиня юности.

Разве мукой дух пытавший
Всё утратил жизни счастье?
Разве счастья миг познавший
Снял превратностей ненастье?
Нет, не надо убиваться
И терзать себя ночами,
Надо мудро улыбаться —
Пыхнет солнышко лучами.

1986 г

*Моему другу, начальнику охраны Пензенского
комбината хлебопродуктов
И.С. Францеву*

Твой путь не сыпан лепестками розы,
Кололи часто острые шипы,
Впивалась в душу острою занозой
Неблагодарность чёрная толпы.

Народ наш долго за идеи бился,
Не став притом возвышенной, добрей,
И совестью (увы!) не засветился,
Коль собственность является ничьей.

А ты, как страж, гляди на всё спокойно:
Ловил воров – и впредь их всех лови!
Для тех, кто не желает жить достойно,
Иного средства, видно, не найти.

Не можем мы от схваток уклоняться
И быть рабами всяческих идей,
Самим собою надо оставаться:
Для личности что может быть важней!

Стихом тебя с рождением поздравляю,

Желаю дух таким же впредь нести,
Здоровья, силы, мужества желаю
И не сгибаться на своём пути!

1994 г

Стихов я, в общем, мало написал,
В мечтах витая более об этом,
Хотя Шекспира, Пушкина познал,
Дивясь неповторимым их куплетам.

Вот так в пустых мечтаньях и живу,
А на пороге старость подступает.
И я как будто в омуте плыву,
А выплыть — силы воли не хватает...

В дне ясном страсти нет, загадки:
Творит её ночная темнота,
Когда Луна играет в прятки
И манит ум галактик высота.
В плену у звёздного сиянья
Люблю один отшельником бродить,
И перед высью мироздания
Себя ночами лунными страстить.

Не спится что-то долгой ночью мне,
Ещё и дождик стуками мешает.
Лежу один, как будто в полусне,
А дождь всё льёт и шумом душу мает.

Лежать в постели благодно, тепло —
На улице стоит осенний холод.
А дождь упорно бьёт и бьёт в стекло,
И я лежу, совсем уже не молод.

Как быстро время лучшее прошло
И зрелость незаметно пролетела,
А дождь холодный тюкает в окно,
И дума в голову, как гвоздь, засела.

Бегу к окну, кричу: «Я полон сил,
Высоких замыслов, задач и целей,
Что оттого, что многое сносил,
И нервы бьются как бы на пределе.

Шлю к чёрту нервы, слабости свои,
Души своей метания, сомненья,
Сильней сожму я в яри кулаки
И брошусь, наконец-то, в мир творенья».

Ночью выюга бушевала,
Волком жутко завывала,
Била ветками в окно,
Нервно звякало оно.

Утром вышел: тихо стало,
Всё белым-бело предстало,
Только небо всё черно,
Да окно заснежено.

Ночь, зима, пышный лес,
Все деревья в снегу,
Лунный свет из небес —
Я у сказки в плену.
По сугробам бреду —
Искры, хруст и мороз.
А куда? Не пойму.
Может, в мир детских грёз?

1995 г

Десять лет исполнилось доченьке моей,
В жизни, точно, не было этих лет светлей.
Доченька, голубушка, праздник дней моих,
Поздравляю и дарю я тебе свой стих.

Что на улице творится:
Вьюга снежная кружится,
Окна замела.
Как протяжно завывает,
Как сугробы наметает,
Вся белым-бела.
Ветер птиц кругами гонит,
Всё вокруг шумит и стонет,
Прямо чудеса.
Кинул вниз воронью стаю,
Вихрем ринулся к сараю,
Прыгнул в небеса.
Бес кружится на сугробе,
Снег швыряет на заборе,
Словно снежный псих.
Вдруг всё стало тихо-тихо,
Бес умчал, унялось лихо,
Ветер буйный стих.
Только снега завитушки,
Как неведомы игрушки,

Дарит он тебе.
Ты явилась из метели,
Из волшебной колыбели
В снежной стороне.
И в тебе, в одной вместились,
Ярость выюги с тишью слились,
Вроде б пополам.
Ярь свою направь к Познанию,
Тишь – к любви и состраданию:
Вот такой генплан!

25.01.1995 г. пос. Монтажный

За капот машины листья зацепились:
Захотелось бедным ласки и тепла.
На ветру холодном листья долго бились,
Но пурга опять их в холод унесла.

Февраль ещё, а дождь уже
Съедает пышные сугробы.
Вот-вот предстанет в неглиже
Теплом объятая природа.

Весна, осевший мокрый снег,
Горбом торчащие тропинки,
Ручья стремительный разбег,
На ветках тающие льдинки.

Часами тикает капель,
Природа в неге пробуждсняя.
Грачи на ветвях, шум, галтель,
В восторге все от потепленья.

Трещит с раскатом в небе гром,
Летит на землю бурелом,
Всё небо тучами покрылось,
Воронка пыли ввысь взвихрилась.
Всё в страхе мечется пред бурей,
Пронзают землю капли, струи,
Природа силы набралась
И... ливнем шумным излилась.

Увы, защит не знает разум наш
Пред чувством, страстью собственной души,
Печаль её тревожит, лезет блажь,
Как разумом их, волей не глуши.

У меня детишек двое —
Дочка Жанна и сынок.
Я его зову Димок —
Мы сидим на кухне трое.

Пьём чаёк, халву едим,
О прошедшем говорим —
Кто что сделал, что увидел,
Может, кто кого обидел.

Жанна вдруг и говорит:
«Твой сыночек отличился...».
Дима съёжился, молчит
И в сестру глазами впился.

Смотрит он с мольбой на Жанну

И ушёл от нас неожиданно.
Я кричу вослед: «Сынок!»
Не вернулся мой Димок.

Жанна сразу о другом,
Только я расстроился:
Сыну сделался врагом —
Словом не обмолвился...

Сын, сыночек, сынулёк —
Жизни праздник, василёк,
Старости моей награда,
Жизни смысл, её улада.

Если б не было тебя,
Как бы мучил я себя:
Не продлил бы род я свой,
И угас бы он со мной.

Умным, сильным, смелым будь,
Сам наметь по жизни путь,
Цель поставь и добивайся,
Но в стремление — не сломайся.

Меру знай и соблюдай,

Твёрдым будь и не страдай:
Всё приходит и уходит,
Нами больше чувство водит.

Разум, волю развивай,
Вместе с солнышком вставай,
Не ленись и будь трудягой,
Полни сам себя отвагой.

Чтобы жизни суть понять,
Многое спешి познать,
Но во всём не затеряйся:
Путь избрал – ему отдайся.

Сам стремись великим быть
И полнее дух раскрыть.
И раскроешь, точно знаю,
В бой тебя благословляю!

Лежу я зачарованный —
Сыночек рядом спит.
Не сплю я, околдованный, —
Он рядышком сопит.

Обнял ручонкой пухленькой:

Пошелохнуться как?
Едва унялся, душенька:
Лежу, застывши так.

Оле

О ангел мой! Твой облик нежный
Меня к себе приворожил,
И я ушёл от жизни прежней:
Пятнадцать лет один прожил!
Теперь покоем наполняюсь,
Детишек видя и тебя,
И всё на свете забываю,
В любовь семьи своей уйдя.
Где б ни был – к вам я устремляюсь,
Спешу скорее увидеть,
И силой новой наполняюсь,
И годы мчатся как бы вспять.

Мы многое в жизни своей забываем,
Не мучиться чтобы о прожитых днях,
Но как мы от прошлого ни убегаем,
Оно в подсознание блуждает, во снах.

Во сне образ прошлого вдруг воскрешаешь
И так, бессознательно, встретившись вновь,
Его, как живого, ты зримо внимаешь
И вновь ощущаешь былую любовь.

Во сне я почувствовал, как у калитки
Впервые подругу свою целовал,
Коснулся груди и со странной улыбкой
От дерзости этой в смущенье сбежал.

Во сне это чувствовал так, как когда-то,
И духом, и телом своим трепетал,
Как будто бы жизнь не подходит к закату,
Как будто бы больше других не ласкал.

1996 г

Как купола у колоколен,
У сосен жёлтые стволы,
В лесу блаженно я покоен,
Вдыхая запахи смолы.

Свободу здесь лишь обретаю,
Оставив света суету,
И вновь здесь силы набираю,
Когда совсем невмоготу.

Над Россией снова бродит
Призрак коммунизма,
И народ в дурмане ходит
От идей марксизма.
Как больной, в мечтах витает
Равенства и братства,
И мятежность возбуждает
Собственность, богатство.
Вновь безумная Россия
В рабство нас толкает,

Где впрягут в ярмо насилие
И ГУЛАГ воспрянет.
Иль забыла, как, страдая,
Нелюдей ласкала
И, богатства раздавая,
Вдоволь есть мечтала?
Ад пройдя, снеся мученья,
Стоны поколений,
Знать, ты хочешь повторенья
Партии велений.
Вновь кнута ты захотела:
Гордости не внемлешь,
Роль шута не надоела,
Пьянство лишь приемлешь?
Против нас, людской природы,
Принцип коммунизма.
Все завёл в тупик народы
Дух идей марксизма.
Этим движет дух сомненья:
День и ночь не спится.
Тот плевал на все стремленья:
Водка только снится.
Кто их, чем уравновесит?
Спрос и предложенье.
Качество любого взвесят,
Всех толкнут в движенье.
Путь назад – вернёт нас к рабству
И к обобществленью.
Надо путь открыть к богатству,

К частному стремлению.
Крест свой в дикости носили,
Тешились в идеях,
Нищими в цепях прожили
В глупых эпопеях.
Собственность, закон, свобода —
Это путь к богатству.
С ними лишь себе в угоду
Сможем развиваться.

Ты, Россия, позволяла
Быть рабынею в столетьях,
На коленях ты стояла
И стенала в лихолетьях.
Сколько крови ты пустила,
Землю ею заливая,
Сколько ты людей сгубила,
Дух свободы умерщвляя.
Сколько ты людей сгноила
Ради призрачной идеи,
Как ты рабски хоронила
Истуканов в мавзолеи.
Долго ты меня терзала
И цинично измывалась.
Да, меня ты наказала,

Хоть сама в холопстве стлалась.
Ты достойна сострадания,
Но тогда грехи искупишь,
Как отбросишь все метанья
И в свободу твёрдо ступишь.

Меня сегодня заплевали,
Пытались рот рукой заткнуть,
Динамик в злобе оборвали,
И снова я не мог уснуть.
Зачем я езжу, призываю?
Зачем душа моя болит?
Зачем бездумных убеждаю,
Что Русь пред пропастью стоит?
Не хочет знать бездельник правды,
Не хочет пьяный разум внять.
Они убить меня бы рады
Иль в землю заживо загнать.
Но завтра снова я поеду
К уму и совести взывать,
А вечером скажу соседу:
«Пойдём Бориса избирать!»

Жизнь есть праздник изначальный.
Мы ж псалмы поём печально,
К разным божествам взываем,
Радость жизни забываем.

Люди, жизнью наслаждайтесь!
Горю меньше предавайтесь:
Жизнь всего ведь раз даётся,
После – прах лишь остаётся...

Люблю в лесу уединяться
И слушать пенье разных птиц,
Реке, болоту удивляться,
Уйдя от хмурых скучных лиц.

Когда душой изнемогаю,

Я песнь печальную пою,
И ею грусть-тоску снимаю,
И вновь с улыбкой в мир смотрю.

Письмо другу детства
В. Племянникову

"Куда же ты пропал, дружище,
Случилось, может, что с тобой,
Ужель в здоровом мужичище
Какой случился перебой?
Иль, может, я письмом обидел,
Мятежность чувства передав,
И в нём чего-то не предвидел,
Невольно вдруг враждебным став?
Иль, может быть, богов отвергнув,
Тебя невольно оскорбил,
И ты, в ничто меня низвергнув,
Как ересь просто удалил?
А, может быть, в печали старясь,
Ты детство, юность позабыл,
И вон бежишь, от жизни маясь,
И дух твой к жизни приостыл?
Ты плюнь на всё и улыбайся,
Друзей своих не забывай,

К природе чаще обращайся
И в ней печали оставляй"...

Писал я так совсем недавно,
Но стих не смог тебе послать,
И вот письмо твоё печально
Пришлось в раздумье мне читать.
Спешу, мой друг, тебе ответить
И дух твой силой укрепить,
И в старости хотя бы встретить,
И вместе рюмку пригубить.
Обнять тебя и нашу юность,
И слёзы памяти излить,
А ты мне пишешь эту дурость —
Себя решился загубить...
Зачем же жизнь к пределу ставить,
Зачем судьбу свою винить?
Умей собой в невзгодах править
И жизни дар умей ценить.
Сейчас я тоже безработный,
Сажу на шее у жены,
Притом, что я не беззаботный
И мне плохие снятся сны.
Но я не плачу, не стенаю,
Ищу, где силы применить,
Не к богу в трудности взываю,
Стремлюсь талант свой проявить.
Себя в свободу вырывая,
Я даже бросил институт,

Не жизнь – тоска, глупцов внимая,
Оценки слушать там и тут.
Противно, лекции читая,
Смотреть на ярый в гневе зал,
Когда учитель из Рамзая
Кричит мне: «Родину предал!»
Я стоимость им разъясняю,
Пределы Марксовых идей,
По буре в зале понимаю —
Для них я конченный злодей.
Спокойно мыслю о свободе —
Они о Ленине орут!
Кричу о голоде в народе —
Меня изменником зовут.
Не все свободу понимают,
Не все хотят в свободе жить
И с рёвом стойло защищают:
Спокойней как-то в стойле быть.
Но все мечтают о богатстве
И чтоб при этом равным быть!
Все мысли их в мечтах о царстве,
Где можно жить и не тужить,
Где бездарь сравнится с талантом
И будут все во всём равны,
Кухарка станет фигурантом
И править будут всем низы.
Увы! Я многим непонятен,
Поскольку чуть вперёд смотрю.
И путь развития стал мне ясен —

Давно об этом говорю.
Храня спокойствие и совесть,
Ушёл, чтоб всем не угодать.
Оставить хоть какую повесть,
Себя чтоб зря не растерять...
Пока писал, нашёл работу —
Под старость адвокатом стал!
Всё вновь опять, опять заботы,
Как я от этого устал.
Ведь начинать всё надо снова —
Какой уже десяток раз!
Но, видно, нет пути иного
И пыл мой к жизни не угас.
Хожу с природой пообщаться,
На речку от людей бегу
И силой полнюсь, чтобы драться,
От боли душу там лечу.
Себя с упорством развивая,
Я цель поставил и иду,
Чрез рухлядь времени ступая
И в мир поэзии войду!
Себя вещами не принизил,
Богатством не был ослеплён,
До музы слов себя возвысил,
Стихами стал весь опьянён.
Под старость дух решил отринуть
В стихах, от поисков устав.
Не даст мне этого достигнуть
Лишь сердце, биться перестав.

И ты стихам своим отдайся,
Ведь ты в душе своей поэт,
Но в водке лишь не затеряйся
И твёрдый дай себе обет.
Почувяв осени ненастье,
Ты вдруг бороться перестал,
Хотя своё в полудне счастье:
Период мудрости настал!
От малости занемогаем,
А жизнь прекрасна, чёрт возьми,
Спокойно старость повстречаем,
Иронией свой дух уйми!».

.....

С тех пор, как я письмо отправил,
Прожил мой друг десяток лет.
И вот угас: борьбу ослабил,
А вместе с ней – иммунитет.
Расставшись в юности далёкой,
Так и не встретились мы с ним,
И так мне стало одиноко,
И так мне свет вдруг стал не мил.

2007 г.

Всё начинается, всё и кончается,
И не грустите о том, что прошло.

Самое главное – жизнь продолжается,
И потому нам должно быть светло.

1997 г

Я в мир природы дикой умыкаюсь,
Бегу от глупых символов людских,
Свободой чувств и мыслей наслаждаюсь,
Отбросив бремя тягостей мирских.

Они меня уносят в мир Вселенной,
В мерцанье звёзд, в их тайну, красоту.
Одной Вселенной должно быть нетленной!
Принять как мудро эту простоту?

Принять как факт, достойно, не страдая,
К богам различным, к мифам не взывать,
Конец всего живого понимая,
Как данность это мудро принимать.

Коль был бы бог на небе, он, творящий,
Не дал бы смерть живущим сознать
Иль сделал так, коль он вперёд смотрящий,
Чтоб жизнь свою могли мы продлевать.

А мы, умом и чувством не старея,
Конец должны безрадостный внимать
И, с каждым годом более слабея,
Себя в тоске предельностью терзать.

Дивлюсь чему? Конец всего внимая,
Прекрасное и доброе творим,
Детей своих и милых обнимаем,
Слова любви им нежно говорим.

Откуда эта сила в нас такая:
О смерти зная, доброе несём!
Отгадка, очевидно, здесь простая —
Храня любовь, как люди мы живём.

О Паваротти! Ты мой бог!
Тебя с Шаляпиным в ряд ставлю:
Лишь он так сердце трогать мог,
Но ты живой – тебя и славлю.
Ты просто чудо из чудес,
Живой Орфей, владыка звука!
Твой голос, будто из небес:
И счастье бьётся в нём, и мука.
Когда я слушаю тебя,
То весь в мурашках пребываю
И с каждым звуком умираю,
Презрев значенье бытия.

1998 г

Музыка венчает торжество
Духа человеческой природы,
В звуках обнажая существо
Словом не достигнутой свободы.

С музыкой лишь стих ритмичный слит
Гением задумчивых творений,
Мыслью сжатой, чувством пламенит,
Музой неожиданных прозрений.

Звуками, что Бах иль Григ рождал,
Силы нет излиться мне под старость,
В слове лишь я жизни суть искал,
В нём свою испытываю храбрость.

В слове дух мятежный обнажу.
Время в нём историкам оставляю,
Что смогу, потомкам расскажу
И себя в стихах своих восславлю.

Не знаю я, зачем родился,
Не знаю я, зачем живу.
Зачем всю жизнь свою учился
И сам других ещё учу.

Всю жизнь: работа и забота.
Вся жизнь: неволя и печаль.
И даже умереть охота,
Детишек малых только жаль.

Кому их, ласковых, оставить,
И с ними верную жену?
Но сил где взять себя заставить
Печаль и боль унять свою?

И как развить такие силы,
Спокойней чтобы было жить?
Как распахнуть души порывы
И в них полней себя избыть?

Не спал, привскакивал всю ночь,
Всю ночь промаялся стихами,
Я гнал и гнал все мысли прочь,
Они ж в словах шептались сами.

Как быстро тикали прошедшие года,
Их бег ничем, никак не остановишь,
И сразу не заметишь – голову когда
Уже седую в устали уронишь.

В Сосновоборске тихом я родился.
Раскинут он рядом с Тешнярькой рекой,
В нём с детства с природой волнующей слился,
Лишь в ней обретая душевный покой.
Здесь часто на лодке средь лилий катался,
Блуждая, как в сказке, по глади речной,
Таинственным мир мне подводный казался
И всё представлялся как мир внеземной.
Здесь шум раскачавшихся ветрами сосен,
Как музыку Баха, с тревогой внимал,
Я здесь дожидался волнующих вёсен,
С корабликом чтоб за ручьями бежать.
В лесу в «партизаны» с друзьями играли
Под кроной могучих ветвистых дубов,
В тех битвах про голод, про всё забывали,
«Фашистов» гоняя в чащобах лесов.

Нет сил проходить мимо дома родного,
Слезу не могу до сих пор удержать:
Нет мамы и папы, всего дорогого,
И дрожь подбородка никак не унять.
В бревенчатом доме, где детство промчалось,
Где я заворожено слушал скворцов,
Другие живут, мне – лишь память осталась
От милых, далёких, печальных основ...
Чрез речку, по мостику, к школе шагаю,
Чтоб памятью прошлого душу ожечь:
На новую школу свой взгляд натываю —
Ту, старую, время не властно сберечь.
В неё не иду, только молча вздыхаю,
Домишки из детства глазами ловлю,
В них детство и юность, как явь, ощущаю:
В бессилье пред временем с грустью стою.
Иду чуть подальше – мостки под ногами,
Меня они в юность, к любимой несут,
Я в дом её, в окна, впиваюсь глазами,
Да только меня здесь, конечно, не ждут.
Но где бы я ни был, куда б ни уехал,
В родные места всей душою тянусь,
От них я как будто на время отъехал
И к ним непременно обратно вернусь.

Ах, любовь моя, полынь,
Горькая расплата.
Как её всю ночь не стынь,
Мучит до заката.
С милой в юности сидел,
Речкой любовался,
В очи чудные глядел,
Робко целовался.
Только, надо ж, разошлись
Наши путь – дорожки,
И лишь к старости нашлись,
Да не те уж ножки.
Письмецо я ей пошлю,
Буду ждать ответа,
Только юность не верну —
Песенка пропета...

Любовь есть истинно духовность,
Любовь есть вздох пред красотой,
Любовь есть в тайну устремлённость,
Любовь есть жертвенность собой.

Была бы истинно духовною любовь,
Мы все б давно уже повымирили,
Но мы физически плодимся вновь и вновь,
А любим ли мы истинно? – Едва ли...

Я пылким юношей, волнуясь,
Ждал трепетно свиданья час,
И сердце, мне не повинуюсь,
Рвалось скорей увидеть Вас.

И Вы пришли – луны сиянье
Покрыло тайной юный лик,
И вместо пылкого лобзанья,
К руке лишь в робости приник.

Я был в каком-то онеменье,
Любуясь чудом красоты,
И Вы, поняв моё волнение,
Сказали мне впервые: ты.

Блаженна ночь, безумны страсти,

Явились дивные мечты.
Мы все в её природе власти
И с ней во власти красоты.

Вы так обворожительно красивы,
Так милы, образованны, умны,
Что дремлют все телесные порывы:
Вы духу лишь бесплотному даны.

Хочу одним лишь взглядом Вас касаться,
В общении блаженство испытать,
Игрою чувств и мыслей наслаждаться
И, как пред дивом, робко трепетать.

От Ваших глаз чарующих пьянея,
Люблю в забвенье тихом пребывать
И в грёзах образ мысленно лелея,
В мечтах своих задумчиво витать.

Боюсь земным Ваш образ вдруг представить,
Волшебный мир прекрасного спугнуть,
Мир грёз, мечты к греховности направить,
На тело чувством, мыслью посягнуть.

Не может плотской связи быть меж нами,

Ваш образ чудный негой чувств пьяню,
Иначе дух не выпорхнет стихами,
Коль вдруг на тело страстью посягну.

Миг любви, порыв страстей: уходят.
Это надо ясно понимать
Без надрыва, мук: ведь всё проходит.
Надо это мудро принимать.

Но тогда зачем же на другую
Взгляд влюблённый снова устремлять —
Знаем ведь, что также всё впустую:
И от неё захочется сбежать.

Почему же, сознавая это,
На других мы вновь бросаем взгляд?
Просто удивляет ликом эта,
А в другой влечёт точёный зад.

Та ожжёт своею грудью пышной
Иль очами душу увлечёт,
Та улыбкой в плен возьмёт неслышно,
Нежностью своею привлечёт.

Так и ищем, мыкаемся взглядом,

В беспокойстве жизнь свою ведём,
Сами же питаем душу ядом,
А потом себя же и клянём.

Жаворонок

В небо глаза распахнув в удивленье,
Звуки природы весенней ловлю,
Руки раскинул в траве с наслажденьем
И жаворонка на небе ищу.

Вон, в синеве, он трепещет крылами,
Песню любви, заливаясь, поёт,
Флейтой невидимой под облаками
Трели из неба волшебные льёт.

Я зачарованно внемлю солиста,
Точку на небе боюсь упустить,
Так удивительна песнь вокалиста,
Так ей хотелось мгновенье продлить.

В ней мне припомнилась юность шальная,
Поле вдоль леса, ромашки вокруг,
Первые чувства и страсть удалая,
Вздохи, признания, милой испуг.

Это ведь было, ведь было со мною,

Только тот миг не вернётся назад,
Слушаю лишь жаворонка весною,
Силясь увидеть его наугад.

1999 г

Стихи мои – предмет мгновений,
Запавших в памяти глубоко,
Итог борьбы и размышлений
О жизни низкой и высокой.

Стремлюсь спокойным, тихим быть всегда,
Едва шурша, как дуб, листьями,
И всё ж смеюсь, печалюсь иногда,
И слёзы почему-то льются сами.

Что тело наше? – Нет его:
Его рассудком ослабляйте.
И сердце волей укрощайте —
Волненья нет и для него!

Без мук живите, суеты,

Себя держите вне страдания;
Умерьте разумом желанья,
Отриньте призрачность мечты...

Всю жизнь я истину искал
И к счастью, к радости стремился,
Любить, любимым быть мечтал
И ярым был, и в драках бился.

Живём у чувств своих в плену:
Как мы ещё несовершенны!
И не ведём с собой войну:
Нас страсти жгут огнём геенны.

Что нам мешает быть умней?
Ну не природа ж только генов
Сжигает нас в пылу страстей,
Мешая вырваться из плена?

Я приглашаю всех людей
К уму и воле возвышенью,
К контролю чувств, своих страстей,
Биенья сердца овладенью.

В своих деяньях и мечтах

Пусть каждый полнится величием,
В богатстве, в вере, в степенях
Пушай не мучают различья.

Объявим все войну себе,
И за себя с собой побьёмся,
И в этой истовой борьбе
Победы разума добьёмся.

Не будем попусту страдать:
Взнуздаем волей буйность чувства.
И жизнь продлим, и умирать
Спокойней будем: без холуйства.

Свой дух и тело подчиним
Себе самим: самотворенью.
Позору злобность предадим,
А ум и силу: прославленно!

И мыслью освещая путь —
В себе искать мы будем радость;
Во всём ища основу, суть,
Тогда и жизнь не будет в тягость.

Познать всё каждому – нельзя,

Узнать одно – и то непросто,
Полнее чтоб раскрыть себя —
Нужно огромное упорство!

Увы! В науке места не нашёл —
С заткнутым ртом – никак не изречёшься.
В юристы я принужденно пошёл,
Но здесь опять – в бесправье изойдёшься.

Устал диктат в судах своих терпеть,
Диктат страстей, характеров – не права.
Здесь правом могут, как хотят, вертеть:
Зависишь часто более от нрава.

Усталый дух поэзией бодрю,
А правом – хлеб насущный добываю.
Прикрыв глаза, на всё уже смотрю,
Свою мятежность волей усмиряю.

В Москве

Движение, гомон, суетность людская.
Уныло зелень среди камней ищу.

Увидел всё ж! Ах прелесть-то какая!
И оторваться просто не могу
От дерева, торчащего в асфальте,
Которому там жить не вмоготу.

Жизнь бьёт меня, а я смеюсь,
Все силы духа собирая,
Ослабну вдруг – в природу мчусь,
В ней мудрость жизни постигая.

Здесь мысль нежданную ловлю,
Свободу здесь лишь ощущаю,
И здесь стихи, блаженствуя, творю,
И жизнь, как праздник, принимаю...

Среди религий лишь буддизм
Меня хоть чем-то привлекает:
Он так же, как и стоицизм,
К развитию воли побуждает.

Страдания Будда одолел,

От жажды жизни отказался!
Не властью – волей преуспел,
И светом в темени остался.

Сам Будда – бога отрицал,
К любви и кротости взывая.
Добро и разум возвышал.
Принять их слабым приглашая.

Конфуций также бога отрицал.
Не мучаясь фантазией загробной.
Добро и разум нёс на пьедестал.
Считая небо силою духовной.

Причину мук ищи в самом себе,
В своём к чему-то пылком отношенье.
Умом отринь страдания в душе
И будь во власти самоотрешенья.

Учись от боли тело избавлять.
Ища в себе все скрытые резервы.

Умей собой разумно управлять.
Сковав железом слабенькие нервы.

Избавь себя от глупой суеты.
Спокойным быть стремись и ироничным.
Желанья укроти, любовь, мечты...
Представь себя в себе самим Всевышним.

Ты Человек! Ты – Истина в себе!
Ты сам себя Творитель и Спаситель!
И не ищи творителей нигде.
Ты сам себя – Воитель и Целитель!

Природа – сознание: вечная тема.
Что было первично? – Пустая проблема.
Природа не мучится тем, что первично.
Сознанию неймётся – оно и вторично.

Не важна проблема какой-либо твари:
Едят и плодятся, и всех их – по паре.
Один человек сей проблемой страдает:
Религии мучат, покоя не знает.

Как псы, друг на друга кидаются люди,
Над сутью природы сознание мутят:

Одни убеждают – сознание первично,
Другие, напротив, – сознание вторично.

Философы все размышляют об этом,
Различные только сужденья при этом.
И я с удивленьем на звёзды взираю,
Эйнштейна теорию припоминаю.

Не верил, великий, в богов, их творенья,
Но верил в могущество наше, умение,
В способность ума постигать мирозданье,
Не теша иллюзией наше сознание.

И я, устремляющий взгляд к Козерогу,
Не вижу в нём места какому-то богу,
Но вижу попов и мерцание свечек,
Согбенные спины молящих «овечек».

Религия – бизнес, всё тот же наркотик,
Попался однажды, – до смерти поглотит.
Невежество масс за религией скрыто,
За страх перед смертью вы платите мыто.

Меня потрясает безумия слепость —
Хоронят друг друга, а верят в бессмертность.
Из праха никто не поднялся при этом,
Кто умер – ушёл, распрощался со светом.

Марксизм и религия в целом едины,

Они – плод иллюзий, его половины.
Иссяк коммунизм – упростилась проблема,
Но вера в бессмертие – долгая тема...

Закрой глаза, от мира отрешись,
И горе разум твой отпустит.
Открой глаза и небом насладись,
И ты поймёшь – не надо грусти.

Из года в год, пять тысяч лет
Спасением народы увлекают,
Из года в год, из века в век
Пришествием! народы утешают.

Из века в век, пять тысяч лет
В иллюзии народы пребывают,
Из года в год, из века в век
Страдают люди, верят, умирают...

Из года в год, пять тысяч лет
Священники народы обирают,

Из года в год, из века в век
Попы во злате в храмах пребывают.

Из года в год, пять тысяч лет
Религии людей разъединяют,
И в новый век, и тыщи лет
Пришествия народы не узнают!

Бреду по площади Москвы – по Красной.
Душа покойна, как бы всё прекрасно,
Гляжу на чёрно-красный мавзолей.
Пройтись забуду если по заглавной,
То будто бы и не был в златоглавой,
Не встретился с историей своей.

Ох сколько же ты кровушки впитала,
Торжеств и мук народа повидала
И вот замуровала палачей.
Вожди в красивых мраморных гробницах,
Как фараоны, спрятались, убийцы:
Сберёг народ мерзавцев, сволочей.

Шеренгой у стены Кремля застыли,
Глаза свои из мрамора открыли,
И я на них в бессилии гляжу.

Они весь цвет России умертвили,
Безвинных миллионами сгноили:
Устало взгляд с обрезков отвожу.

Большевики, разрушив церкви, храмы,
Вождя замуровали в истуканы
И в бога атеиста возвели!
И он лежит, как тот Перун, в гробнице,
На Красной площади, в моей столице!
Ужели мы свободу обрели?

А рядом храм Блаженного возвышен,
И я иду пред камнями, принижен
И слушаю курантов торжество.
Застыл в каменных рабский дух народа,
Не ведавшего принципа свободы,
Придумавшего всяко божество.

Творите дальше, падайте, молитесь,
Рождайте культ, своим богам креститесь:
Один иду под звон колоколов
Свободным от надуманных оков.

Когда умру, ко мне попов
И близко чтоб не подпускали!

Я ненавижу их оков,
Смешон их кукольный покров,
И не хочу меня чтоб отпевали!

Три дня пусть музыка звучит:
Бетховен, Моцарт и Чайковский.
«Звезда с звездой говорит»,
Шляпин ли, Козловский слух дивит,
Доминго, Паваротти, Хворостовский...

Жизнь – не смерти ожиданье:
В радость раз она дана.
Упрости свои желанья:
Жизнь почувствуешь сполна.

Вон, гляди, как небо сине,
Кинь свой взгляд в речную гладь,
Глянь на пастбища в долине —
Вот земная благодать!

Вот куда сбежать охота
От тревог и суеты,
И забыться от работы,
И уйти от мук мечты.

Мы ж всё сами усложняем,
Деньги в бога возвели
И богами душу маем:
От природы отошли.

Мучительно работать не любя,
Измучишь, как невольник, сам себя.
Чтоб в радость жить – быстрее себя найди,
В труде великом дух свой обрети.

Четыре радости, четыре счастья,
Без них не мыслю с детства я себя,
Они от бед уносят и ненастья,
От слабости, постигшей вдруг меня.
Где б ни был я – всегда они со мною,
Я нежен с ними, радостен и тих,
Бываю с ними лишь самим собою,
То – мысль, природа, музыка и стих...

Всё приходит и уходит,
Всё как данность принимай.
Жизнь со смертью рядом ходит,
Вникнув в это – не страдай.

Брось волненье, будь покоен,
Чувств своих не обнажай.
Над собою сам будь волен —
Скорбь и слабость изживай.

А когда слеза захочет
С глаз твоих сама упасть,
В лес уйди, коль нет уж мочи,
Горе легче там унять.

Мир – страданием не исправишь,
Умерших – не воскресишь,
Горем лишь седин добавишь,
Годы жизни сократишь.

Один пред **чувством** смертных путь —

Боясь конца, обманываться богом.
И жизнь земную скорбно гнуть,
Молитвенно общаясь с небосводом.
Пред **разумом** другой есть путь —
При жизни жизнью полно наслаждаться,
Всю гамму чувств успеть вдохнуть,
В добре, в детишках, в творчестве остаться.

Хондроз мне как-то в шею долбанул,
Как током неожиданно проткнул —
Я замер весь, застыл, не шевелился,
В скульптуру боли будто превратился.
Ужели и меня недуг согнул
И оковал цепями так умело?
Иль, может, так: на старость намекнул?
Как молод дух и как же бренно тело.

Меж ног красавиц – райские врата.
Другого рая, точно, не узнаю,
Поэтому пленит их красота,
Поэтому со страстью им внимаю.

Любовь, мечты, томление – ах, ах!
Не мучил сам себя пустым страданием:
Вся тайна чувств откроется в вратах,
Исчезнув вместе с пылким закрываньем.

И, тем не менее, опять ловлю
Себя на чувстве страсти неизбывной,
Когда на дев красивых взгляд стремлю
И весь горю от прелести их дивной.

На эту вот, лишь только на неё,
Смотрю и жадно алкаю глазами,
И чувство это трепетно своё
Нет сил моих, чтоб выразить словами.

Гляжу в глаза призывные её,
На шею, грудь и... сладостно пьянею,
И сердце, сердце прыгает моё,
И я... в бессилье пред собой слабею.

Любовь – это всё-таки слабость надрывная,
Любовь – это крик неразумной души,
Любовь – это боль и тоска неотрывная:
Покоем рассудка свой пыл приглуши.

Ум видит во всём изначально предельность:
Предельность ума, красоты ли души.
И где ни ищи – не найдёшь эту цельность:
Как данность всё это спокойно прими.

Уйми свои чувства, уйми ожидания,
Спокойствием воли, рассудка живи,
Тогда и не будет пустого страдания,
И горя не будет, и муки любви.

Когда молодой возносится стихами,
В них больше страсть любовная кипит.
Познавший жизнь поёт уже строками,
В которых мудрость больше говорит.

Чем больше тело наше угасает,
Тем мысли ярче буйствуют, смелей,
И хоть остатки силы забирают,
Но быются глубже, яростней, острей.

Не мы над вещью господа,
А вещь господствует над нами,
Как правит лошадыю узда,
Так мы себя взнуздали сами.

Меру знай в труде, в богатстве,
Властью чувства не пленяй,
Больше будь в духовном царстве:
В мире мыслей пребывай.

Проще, проще жить стремись,
Жизнь свою не усложняя,
Малым мудро насладись,
В меру всё употребляя.

Когда осилишь духа слабость

И воле чувства подчинишь —
Тогда не будешь пить всю гадость,
Отвергнешь водку и гашиш.

Каждый сам себя находит,
Каждый сам себя творит,
Каждый сам себя возносит
И, найдя, душой парит.

Стихами очень поздно я занялся,
Когда мне времени не стало отступать.
В себе чрезмерно долго прокопался
И мог совсем не выраженным стать.

Найду ль себя в поэзии? – Не знаю.
А может, в прозе? – Это всё равно.
Устало жизнь свою воспринимаю,
Поскольку время лучшее ушло.

Напевно просто, рифмой размышляю,
Души смятенье, время передав,

И в муке неизбывной пребываю,
Такие годы – Музе не отдав!

Писать стихи себя не принуждаю.
Без них я жить сегодня не могу,
В автобусе, на улице слагаю,
Ночами ли бессонными шепчу.

Уже не жду порывов вдохновенья,
Пружиной мысли крутятся всегда,
Спешу быстрее их вырвать из забвенья
И выкинуть, быть может, в никуда.

На годы цели ставь, на жизнь,
Себя им подчиняя постепенно,
И страх перед собой отринь —
Тогда достигнешь всех их непременно.

Но знай: конечный путь – ничто.
В самом движении к цели жизни радость.
Средь умных: не был счастливым никто.
Так временна в пути конечном сладость.

Но чтобы жить и попусту не тлеть —
Не жди одних порывов вдохновенья,

Умей себя заставить сам гореть,
Лишь ты – причина самосотворенья.

Жизнь свою, как праздник, принимай,
Как игру, полёт воображенья,
Чувства, мысли – воле подчиняй,
Дай свободу страсти вдохновенья.

В мире творчества всю жизнь живи,
Суть разумных – в радости исканий.
Этот мир в самом себе ищи,
Устраняя блажь пустых желаний.

Детей воспитывай со дня рожденья,
Любовь и строгость умно сочетай,
На них воздействуй больше убежденьем
И собственный пример им подавай.

Запомни принцип мудрости великий:
Детей до двух – царями развивай;
До десяти – как слуг безликих,

А старше чуть – друзьями почитай.

Как к средству цели самоутвержденья
Любовь к труду, упорству прививай.
Буди у них не память – дух сомненья,
Активно в разном творчестве пытай.

В дерзанье мысли путь, в её сомненье!
Сомненью сам любого подвергай.
И укрепляй своё в детишках мненье,
И мыслить их с рожденья побуждай.

Лишь логика мысли охватит весь путь,
А память частички его отбирает,
Но в них и заложена вся наша суть,
Поэтому память их так берегает.

Нельзя в России йогом быть
И молча мир взирать,
Здесь волком хочется завывать,
Когда нет сил кричать.

У нас культуры должной нет:
Распущенность в мозгах.
Под гнётом спали тыщи лет
И всеми правил страх.
Страх перед богом и царём,
Помещиком своим,
Страх перед Сталиным-вождём:
Диктатором крутым.
Надежда вся на капитал:
Народ взнуздает он.
России нужен либерал
И рыночный закон.
Модели Запада должны
Мы умно воспринять,
Там все в возможностях равны,
И нечего страдать.
Но там у денег все в плену,
Богатство – трижды бог,
Увы, я это не приму —
Индийский ближе йог.
Притом, даю себе отчёт,
Что нет иных путей:
Богатство там быстрее растёт,
Где каждый – казначей.
Где каждый для себя живёт
И развит эгоизм,
И где у всех богатство – бог,
И бог – либерализм.
Богатство ж нужно, чтоб полней

Нам выразить себя,
Красивей быть и быть добрей,
Достоинство неся.
А мы к богатству подались,
Всё счастье видя в нём,
В разборках, в драках изошлись,
Забыв себя в ином.
Какая в песнях грусть была
И нежность в них лилась.
Страна всё это изжила —
Вещичкам отдалась.

А, может, лишь в тоске, нужде,
Голодным люд творит?
И лишь в неволе и узде
Он нежность всем дарит?
И чем богаче будем мы,
Тем более грубеть?

Боюсь, боюсь богатства тьмы
Свой дух хочу сберечь.

Боюсь я умереть неизречённым,
В остывшем теле дух свой умертвить,
В земле его оставить не прочтённым,

В стихах его бессмертных не явить.

Мелькнула жизнь как будто бы в тумане.
Всю жизнь почти, не ведая себя,
Пишу стихи, как в том шальном дурмане,
Как будто это вовсе и не я.

Но я решил в поэзии остаться,
В стихах свой дух от тела отделить,
И после только отдыху отдаться,
И дикий дух в покое усмирить.

Себя я очень часто вопрошаю:
«Не зря ли я на свете жизнь прожил?»
И сам себе на это отвечаю:
«Всю жизнь с собой боролся, значит жил».

Природы нашей лень трудом снимая,
Себя и так, и эдак я борол.
Предельность духа, воли отрицая,
От столяра в поэзию вошёл.

Сомнением себя одолевая,
Великих даже взгляды отрицал.
И те сомнения в других вселяя,
Своей стране свободу приближал.

Часами лекции свои читая,
Не ведая конспектов никаких,
Лишь мыслью растревоженной блуждая,
Будил сомнение и гнев в других.

В борьбе, в труде, в заботах жизнь проходит:
Всегда был недоволен сам собой.
Но в жизни только тот себя находит,
Кто сам с собой до смерти рвётся в бой.

Мне радость жизни не была дана:
Всегда был устремлён к какой-то цели.
И потому спокойной не была:
В познаниях все годы пролетели.

И вот, замкнувшись сам в себя от всех,
С иронией на всё и вся взираю,
Страх смерти осадив в себе и смех,
В покое больше, в мыслях пребываю.

К каким-то целям рваться перестал,
О сути жизни больше размышляя,
Я дух свой силой воли наполнял,
Познаниями свой разум развивая.

Наверно, надо в муках жизнь прожить,
Искать, не находить на всё ответа,
Трудом заставить мысль свою будить,
Чтоб всё же вырвать к старости поэта!

Спешишь куда-то, в очередь попав,
Спешишь достигнуть в жизни некой цели,
Спешишь узнать, чего-то не узнав,
Глядишь – виски от думы поседели.

«Несуетным, неспешным, мудрым будь:
Бессмертным всё равно никак не станешь,
А в спешке – улыбнуться не забудь,
Тогда, возможно, смерть свою оттянешь».

Так часто я командую себе,
Пытаясь хоть чуть-чуть уgomониться,
Но, время потеряв в пустой борьбе,
Я не могу уже остановиться.

Стремишься ты? – Ну что ж, стремись!
Как жить разумным без стремленья?
Но только: чур! не надорвись
В избытке чувств своих и рвенья.

Ты с целями себя соизмеряй,
Не рвись – к чему совсем не подготовлен.
К чему способен – волю устремляй,
И будешь, может быть, собой доволен.

Пустое всё и мелко, суетно,
Наполнено бесчестием и ложью.
Какое счастье может быть дано,
Когда всё в людях крыто мишурою?

Бегу, бегу, сбегаю от людей,
Глаза свои устало прикрываю,
Средь них всегда я в думе не своей
И нервы почему-то напрягаю.

Я образ мамы часто вспоминаю
С любовью, грустью, нежностью, тоской
И как от боли отойти, не знаю:
Проходят годы долгой чередой.

Когда её машина сбила,
Три дня и ночи плакал и рыдал,
Душа моя от горя волком выла,
В бессилии я небо проклинал.

Шептал над ней – «Не надо только плакать,
Её слезами к жизни не вернёшь».
Но нет – не смог заставить их не капать,
Ну как от горя сам себя уймёшь?

Тогда не смог я справиться с собою,

Не смог осилить горе и печаль,
И волосы покрылись сединою,
Но мне себя от этого не жаль.

В те дни я в ней, родимой, растворился,
Свою любовь в печали ей отдал,
И только после как-то укрепился,
Но радость жизни с нею потерял.

С утра сегодня сердцу было больно:
Погибла мама в этот летний день.
Весь день ловлю глаза её невольно,
Весь день она витает словно тень.

Нет-нет, конечно, свечку не поставлю:
Не верую в причудливость теней.
В стихах своих любимую оставляю,
И станет мне хоть чуточку светлей.

Не знаю, как на всё её хватало:
Учила, шила, стряпала, пекла.
А сколько книг она перечитала
И сколько людям сделала добра!

Стихи она, красавица, любила,

И помню, как, читая в вечерах,
Себя до слёз невольно доводила
И голос был дрожащим на устах.

Ночами мама часто вышивала,
Украсить чтобы бедный наш уют,
Шарфы и кофты тёплые вязала,
И вижу – руки, спицы как снуют.

Она однажды чуть не утонула:
Весной шитьё в деревню понесла.
Обратно шла и... глазом не моргнула,
Как льдина из-под ног её ушла.

Едва спасли, на печке отогрели,
На розвальнях в соломе привезли.
В трудах и муках годы те летели,
И души от отчаяния жгли.

Всю жизнь она к познаниям тянулась
И гордой поступью по жизни шла,
От тягот жизненных не гнулась,
Достоинство по жизни пронесла.

Отец у мамы был кровей татарских,
Продав однажды польке лошадей,
Украл её, дитя степей хазарских,
И счастлив был с красавицей своей.

А в восемнадцатом родилась мама:
Дитя уже евразийских кровей.
Но их постигла жизненная драма —
Не стало вскоре бабушки моей.

От горя дед пропил всё состоянье
И, возвращаясь пьяным как-то раз,
Замёрз в снегу – и дочь осталась с няней:
Таким однажды мамин был рассказ.

Уж четверть века нет её на свете,
А я по ней сверяю жизни путь,
Живой всё представляю на портрете,
Вздохну и снова за перо берусь.

Её глаза с игривою искринкой,
Улыбку, ум её и красоту —
Весь образ милой сердцу сиротинки
До дней последних свято сберегу.

31 августа 1999 г.

Какое диво стройное вокруг —
Стою средь корабельных чудо-сосен!
Но сердце памятью кольнуло вдруг
И шум хвои становится несносен.

В лесу сосновом матушка лежит —
И сосны, словно жёлтым хороводом,
Стоят вокруг, и шум от них стоит:
О чём-то тихо шепчут с небосводом.

Ах сосен шум, ах жёлтые стволы,
И тянете меня, и душу рвёте,
И будет так до самой той поры,
Пока в свои хоромы не возьмёте.

К стволу сосны прижался я щекой,
Из глаз слеза нечаянно скатилась.
Я к матушке хотел бы на покой
И слушать шум, она где умиралась.

Наша природа лукаво двояка —
Чувством и разумом все мы живём,
Подлинно что здесь, не знаю, однако,
Если сознание в целом берём.

Разум без чувства не знает творенья,
Разум без пламени страсти молчит,
Он поджигается до вдохновенья,
Если сознание пожаром горит.

Нет, не прожить нам без грёз и метаний,
Скучно бесстрастно пространство взирать,
Стоит ли жить без любви и страданий?
Надо лишь чувством уметь управлять.

В купе соседнее случайно заглянул
И чудо, волшебство нежданно встретил!
В глазах чарующих мгновенно утонул,
Но взгляд их только холодом ответил.
Меж нами разницу немалую поняв,
Я с грустью боль души своей отринул
И, разумом бессилие уняв,
Лишь только взгляд прощальный кинул.

Почему, и сам не знаю,
Робким вдруг я становлюсь:
В плен прекрасного впадаю.
И с смущением борюсь.

Как труден путь познания себя:
Врагом себе нещадным станешь.
Трудней ещё, когда себя найдя,
Лишь только к старости воспрянешь.

Тогда ты ярким пламенем горишь,
Безумный дух не остановишь,
И день, и ночь с собою говоришь,
И днём и ночью в мыслях бродишь.

Дождь бьёт и бьёт размеренно о жёсть,
И день стучит, и ночь всю льёт.
Заснуть нет сил, с ума сведёт —
За что же мне досталась эта месть?

Уже нет силы думать о другом,
В постель от стуков зарываюсь,
Но вместо сна лишь изливаюсь
Вот этим нервным, мученым стихом.

В тиши души я истинно свободен,
Общение – лишь второпях терплю.
В себе самом быть – более пригоден,
Общенье – больше в шахматах люблю.
Само общенье в шахматах – молчанье,
Здесь только мысль одна напряжена.
В них каждый ход – партнёра познаванье,
В них суть его души отражена.
В них ум и воля к столкновенью
Характеры бойцовские ведут.
Пытливых – движут к самоутвержденью.
А мудрых – бесконечностью влекут.

Брату Валерию

Мы столько лет не виделись с тобой,
Уже вся жизнь как будто промелькнула
И вот с детьми стоишь передо мной,
И боль мне сердце памятью кольнула.

В тебе я детство, юность обнимал,
Нет слов таких, чтоб выразить волненье,
С каким я голос твой воспринимал,

Как счастлив был коротеньким общением.

В тот миг вдруг всплыли образы друзей:
Они, как явь, из юности предстали,
Как будто не промчалось столько дней
И будто поседевшими не стали.

Как мало нам осталось в жизнь глядеть
И хочется из юности всех встретить,
Лишь больно только в них себя узреть
И угасанье тихое отметить...

Не знаю вообще, зачем живу,
Не знаю я, зачем на свет родился,
Мне безразличен день, когда умру:
Я в смысле жизни просто усомнился.

А может, от сражений, битв устал,
Когда в борьбе держал себя, бодрился.
Иль, может, сути жизни не познал,
От дум ли преждевременно сносился?

Не телом мучаюсь – своей душой,
Печалью жизни быстро проходящей.
И почему-то вопию с тоской,

Для разума совсем неподходящей.

Отринуть дух – не на небо попасть,
И не в раю каком-то очутиться,
Отринуть дух – себя познать,
В делах конкретных, в творчестве явиться.

Вне нас наш дух останется в делах:
Лишь так он «отделяется» от тела.
Мозги в могиле превратятся в прах
И дух в них также станет омертвелым.

Чем больше дух упорством разовьёшь:
Тем будут боле значимей творенья.
Тем дольше дух свой людям сбережёшь
На радость всем грядущим поколениям.

Две тыщи лет слепца Гомера чтим,
Столетия Сократа-грека помним,
Их мысли и творения храним
И никогда их дух мы не схороним.

Их дух нас всех к познаниям зовёт,
В живых он ум и чувства развивает.
Их нет давно, а дух их всё живёт:

К сомнению и творчеству взывает!

Лишь в этом смысле дух наш «отделён»,
И только в этом смысле он бессмертен,
Лишь так вне тела дух наш сохранён:
Такому лишь бессмертью духа верьте!

Спроси, где дух мой? – Мается в нейронах
Моей от дум уставшей головы,
И всё никак не сбросит их оковы:
Он жив, пока нейроны все живы!

Когда молчу – и дух безмолвен:
Под черепом сторожит день и ночь.
Когда кричу – то, значит, он встревожен.
Смолчать ему, наверное, невмочь.

Никто не сможет дух в мозгах увидеть:
В извилинах мышление подглядеть.
Его направленность и путь предвидеть
Иль нить сомнений, совести узреть.

Мой дух во мне – судья и укротитель,
Моя несдержанность и дикий гнев,
Моя любовь, печаль и вдохновитель

И слов неожиданных вдумчивый напев.

Из тела дух мой вырваться стремится
Живым себя в стихах чтоб сохранить,
И бьётся в них, галопом буйным мчится,
Лишь так стремясь в бессмертье угодить.

Рассвет. Пишу. Трясутся в нерве руки:
Шальную мысль какую-то схватил.
И вот уже не мило всё от муки,
Покоя жизни сам себя лишил.

Зациклившись на точке размышленья,
Не знаем, как собой овладевать,
Сжигаем плоть в порыве вдохновенья
Затем лишь только – мысли чтоб родить.

Но вот беда: без страсти и без чувства
В покое мысли сами не идут.
Они есть плод мятежности и буйства,
И жить спокойно толком не дают.

Творенье есть сознания предбезумство,
И новизна рождается лишь в нём,
Лишь в нём дерзит, играет вольнодумство

И мысль творит в пожарище своём.

За любовь я, в общем, не боролся,
След от ног подруг не целовал,
Не зачах от них и не извёлся:
Больше страсти к женщинам питал.

Может, чувств высоких не дождался
Или что-то в жизни упустил?
Рад, что в плен иллюзий не попался
И свободу духа сохранил.

Не ведал никогда любви страданий
И в безутешность чувства не впадал,
Гнал прочь бесплодье мук и вздыханий
И образы кокеток изгонял.

Но всё же вдруг в какие-то мгновенья,
Они нет-нет да тайно так мелькнут.
Из памяти глубинной, из забвенья
Живыми как бы зримо предстают.

Не старыми, а теми же – как были!
Как будто годы жизни не прошли.
Очаровательно красивыми застыли,
С улыбкой обаятельной взошли.

Я взглядом образ милых сберегаю,
Уйти в забвенье снова не даю,
И сам себя с ним прежним ощущаю,
И дух остывший снова пламеню.

Я женщин, если честно, не люблю:
Природу их нутром всем отрицаю.
За вздорность их и глупость не терплю,
Но взгляд, помимо воли, вдруг бросаю.

Вот эта грудью пышной обожгла,
А та очами душу покорила,
Улыбкой милой эта привлекла,
А та фигурой стройною смутила.

И вот опять у женщин я в плену:
У тех, кого я сам же отрицаю.
И сам себя при этом не пойму —
Зачем бесплодный вызов им бросаю.

Пленяясь чем-то в них одним, другим,
Прикрой глаза на сущность их природы,
Доволен будь пленением своим:
Не изменить глубинной их основы.

Разумным род людской ещё не стал —
Им дикий зверь во многом управляет,
А он уже «венцом» себя назвал:
В величье над природой пребывает.
И губит эту мать бытия,
И тупо издевается над нею:
Слезами изливается земля,
Её богатства на глазах скудеют.

Себя, свой дух в детишках я внедрил,
В их гены и в сознание вселился,
Творящий ум, способности развил
И после лишь в себе уединился,
Оставив их свободно размышлять,
Какому направлению отдать

Свои таланты, в чём им проявиться.

Зеркальная плоскость заснувшей реки,
Туман, камыши, и поют соловьи.
Восторженны трели призывной любви
Остывшее сердце волнуют в груди.

Таинство ночи

Не знаю я, как справиться с волнением,
Рождаемым загадкою ночной,
Когда луны холодной освещенье
Наполнило всё тайной неземной.

Деревья все в неясном очертанье,
Причудны блики листьев и ветвей,
И пруд одет туманным одеяньем:
Во всём застыло таинство теней.

Один стою, пленяясь «инозданьем»,
Смотрю на мир как будто бы иной,
С земным теряю связь своим сознаньем:
Как будто бы всё это не со мной.

Лишь соловьи из рощи нарушают
Волшебность неземную тишины,
Их переливы к жизни возвращают,
Питая разум трелями весны.

Смотрю в огромность жуткую Вселенной,
Представшую в помпезном торжестве,
И замираю пред красой нетленной,
Как будто бы в каком небытие.

Увы! пройдёт пленительность ночная,
Заменит день загадку темноты,
Наступит снова суетность людская,
Лишая чувства тайны красоты.

Всё больше в мир духовный удаляюсь,
Блужданьем мыслей, чувств и слов живу,
То памятью бывшего наслаждаюсь,
То в новое из прошлого гляжу.

Влечений сколько, поисков, метаний
В душе моей сумбурно улеглось,
Но странно как – из стольких грёз, мечтаний
Ничто почти что в жизни не сбылось.

К любви волшебной бурно устремлялся,
В науках годы истину искал,
Мятежным духом, силой наполнялся,
Себя физически, духовно развивал.

И вот итог неистовых исканий:
Любви и счастья не было, и нет.
Они – плоды иллюзий и мечтаний.
Таков с печалью сказанный ответ.

Всю жизнь щепую в волнах проболтался
И путь в трудах и поисках пройдя,
Совсем один в душе своей остался,
Любви, покоя, счастья не найдя.

Чего хотел – того, увы, не сделал,
К чему стремился яро – не достиг.
А сколько бился, сколько я побегал...
И вот ловлю прощальный жизни миг.

Когда к закату годы покатались
И волосы покрылись серебром,
Как летом снег, стихи мои явились,
Что я представил пред людским судом.

Всю жизнь себя ищу, но вновь не знаю,
Нашёл ли я в поэзии себя,
Иль, может, зря в ней душу обнажаю,
И время снова растеряю зря?

Всю жизнь поэт в душе моей дремал,
Хотя в стихах не мыслил разразиться,
Случайно что-то где-то сочинял:
Порывом чувств желая в них излиться.

Лишь к старости я с болью осознал:
Умру совсем ни в чём не изречённым.
Железной волей сам себя взнуздал
И стал поэтом новоиспечённым.

Н. Подмурному

Никола! Сорок промелькнуло,
Ещё десяток разменял,
Нежданной осенью пахнуло,
Но ты мудрее в жизни стал.

Тебя не мучили сомненья,
Ты вовремя нашёл себя,
Чертя границы применения,
В законах дух свой обрета.

Но ты не раб в своей юдоли,
Носясь годами меж судов,
А, полный знания и воли,
Срываешь маски ты с лжецов.

Наполнен делом ты и словом
И в чёткость мысли устремлён,
И, ею недовольный, снова
Потоком мысленным пленён.

Ценю, ценю людей азартных,
Зажжённых чувством красоты,
Движеньем мыслей нестандартных
И слов достигших простоты.

Как все юристы – ты возвышен,
Как все великие – ты прост,
Ты крупным адвокатом вышел,
И вижу бесконечным рост.

Ты молод духом, крепок телом,
Желаю дольше так прожить,
И не одним сложнейшим делом
Ещё не раз всех удивить.

Будь добрым и приветливым с людьми,
Делись умом и опытом с другими,
Как принцип жизни это восприми,
Живя для всех деяньями благими.

Пока мурло начальником сидит,
Аж из штанов, спесивый, вылезает,
И сильным даже кажется, кричит,
О скромности и людях забывает.

Но только с должности «орла» попрут,
Вся властность вдруг куда-то исчезает.
Ох нужен для таких говнистых кнут,
Когда они в начальниках бывают.

С годами многое иным находишь,
Значенье многому другое придаёшь:
От лиц знакомых молча взгляд отводишь,
Не всех друзей из детства признаёшь.

Ночами долгими из юности далёкой
Нет-нет да образ милый восстаёт,
Он в памяти остался так глубоко —
Совсем живым как будто предстаёт.

Держу в глазах его и с нежностью лелею,
Боюсь волшебность чувства потерять,
Открыть глаза и в явь войти не смею:
В далёком том так хочется витать!

Гармонист

Проснулся я однажды на заре:
За окнами гармоника играет,
Сидит парнишка чей-то во дворе
И тишь рассвета звуком разрывает.

В кустах ещё свистали соловьи,

От сна природа только пробуждалась.
А парень чувства поверял свои
Иль просто вдруг ему затосковалось.

Закрыв глаза, к гармошке он припал,
И с нею воедино будто слился,
А звук её то падал, то стонал,
То как бы перед смертью самой бился.

Никто к нему тогда не подошёл,
Никто на паренька не рассердился.
Стянув меха, он вскоре сам ушёл,
Как будто с кем-то навсегда простился.

Так много лет с тех пор уже прошло,
А я того парнишку вспоминаю —
Что на него в такую рань нашло?
Ответа, к сожаленью, не узнаю.

Мерцают звёзды в таинстве ночи,
Их численность и дальность поражают,
К их тайнам, в общем, найдены ключи,
У слабых только – веру пробуждают.

На небе множество и «чёрных дыр»:

То – антимир. Он с миром в равновесье.
Самой природой так устроен мир,
Всегда так будет в тёмном поднебесье.

Подолгу жить и звёзды устают:
Сгорает их пылающий светильник.
Конец придёт – светить перестают,
И Землю ждёт такой же вот могильник.

Когда-нибудь, чрез миллиарды лет,
Её источник внутренний исчахнет,
И всё – провалится в обугленном котле,
И напоследок взрывами бабахнет.

Всё смертно в мире, смертна и Земля,
Хотя, остыв, быть может, возродится
И реки вновь появятся, моря
И живность вся в ней снова расплодится.

Начнёт плодиться из глубин воды,
С «курильщиков», что в недрах возникают,
Где сероводородные дымы
Простейших – одноклеточных – рождают.

С амёб начнёт развитие своё,
И после бесконечных форм отбора
Появится такое ж бытие
Без бога, фитовет и рыбнадзора.

Умей сносить превратности судьбы,
Несчастье жизни вынести любое,
Не падать духом на тропе борьбы,
Не мучить долго сердце ретивое.

Веди себя с людьми добрее,
Слова и чувства с разумом сверяй.
Ведь может быть и бедный нас умнее,
И глупым быть богатый негодяй.

Мученьем пробуждаемый нейрон,
Потоком чувств, страстей своих гонимый,
Стремится вознестись на мнимый трон,
Как будто будет в нём несокрушимым.

Зачем он, глупый, мучает тебя,

Потоки мыслей, слов перебирает,
Не спит, страдает, рифм не находя,
И гнев свой на родных порой срывает?

«Когда уймёшься ты, шальной нейрон!
Когда добро, покой к тебе пристанут?».
Неужто прав был древний грек Биян,
Сказав в пылу: “Когда меня узнают”.

2000 г

«Поэт ли Баратынский или нет?»
Спросил себя в своей статье Белинский.
И так ответил: «Вовсе не поэт —
Умом, не чувством пишет Баратынский».

Пропел бы я Белинскому в ответ Романс: «
Не искушай меня без нужды».
Евгений был талантливый поэт!
Слова же критика мне стали чужды.

И сам стихи я разумом пишу,
Но разум этот чувством пламеняю,
Свои познания в ярость крови лью
И этой жарю дух свой воспаряю.

Пишу в огне, когда неистов я,
Когда вулканом демон мой клокочет,
И лавой стих исходит из меня,
И чувство гнева ум мой средоточит.

Меня всего волнует и трясёт,
Когда из слов стихи свои слагаю,
И дух неистовый весь мозг мой жжёт —
Другого состояния не знаю.

В стихах сгораю свечкой я дотла,
Исход в могилу точно ускоряю.
Что жизнь моя? – Она уже прошла,
Но в них, в стихах, – на небе пребываю!

Под занавес, безумствуя, горю,
Себя в иные годы не поведав,
И с радостью слов музыку ловлю,
Такое чудо в творчестве изведав!

Не мог и Баратынский быть иным:
Одним умом стихи в душе не льются.
Их пишут чувством бешено шальным,
И только в нём нейроны вскачь несутся.

Не стал ещё разумным человек —
Он в символах, в иллюзиях витает,
Зомбируют его из века в век,
Свободы он осознанной не знает.

Жанне

Дочурка, милая, тебя

Творящим духом наполняю.
Гони и шпорь всю жизнь себя —
В тебя неистовость вселяю.

Наполнись творчеством и ты,
И путь свершений исповедуй,
В нём нет пределов красоты,
Но по нему по жизни следуй!

При этом меру знай во всём:
Умей спокойной быть и в гонке.
Нельзя всегда пылать огнём
И мир покинуть чемпионкой.

Понимаю, что я слаб —
Силы нет унять страданья.
Понимаю, что я раб —
Раб эмоций и исканья.
Буйство плоти не унял,
Чувства, страсти не взнуздал,
Не изжил мечты, желанья...

Демон душу принуждает
С ручкой рыскать при Луне,
Стихом мыслить побуждает
Ночью, днём и на заре.

Ну зачем так утомляюсь,
Душу мыслью извожу,
Мысли страстью наполняю
И с печалью в мир гляжу?

И к чему ни днём, ни ночью
Жить спокойно не могу,
Вижу умерших воочью,
В спорах с ними восстаю?

Гегель ночью вдруг предстанет —
С ним о сущем спор веду,
Иль Ульянов (Ленин) встанет
Всем живущим на беду.

Я ему о человеке:
"Он не может быть другим!".
Ленин Маркса тычет в веки:
"Станет он, каким хотим!".

Мухаммад вдруг ночью грянет:
"В мире он – Аллах – един".
Иль с улыбкой Пушкин глянет,
Друг и детства, и седин.

Демон, Демон мною водит,
Тенью он за мною ходит,
Силой, волей наполняет,
Мыслью огненной питает.

Всё, в природу удаляюсь,
В глушь лесную ухожу.
В ней свободой наслаждаюсь.
В ней, как в царстве грёз, брожу.
Вот кудрявая берёза,
Вот зелёная сосна,
Шелест, тишь, лесная грёза:
Музой полнится душа!

Я всё ишу, ишу чего-то,
Пытаясь суть всего узнать,

И всё скитаюсь одиноко
Не в силах сам себя понять.

В какой-то скуке жизнь проходит,
В минорных, не улыбчивых тонах,
Один день точно на другой походит
В претензиях, разборках на судах.

Как жизнь заполнить радостью исканий
И вырваться из скучной колеи,
Изринуть боль нахлынувших терзаний:
Проходит жизнь, уносятся мечты.

Кругам природы дивной повинуюсь,
Лишь только в них всю гамму чувств ловлю:
Весной, скворцами, летом вновь живу я
И в красках осени печаль ношу.

Как трепетно, задумчиво в лесу:
Лесная тишь меня околдовала.
Но вот кукушка вдруг закуковала,

И я, застыв, считаю... Чуть дышу,
Боясь одно «ку-ку!» не досчитаю.

К познаниям обширным устремлённый,
Труды великих мыслью перебрал,
Я, кажется, остался посрамлённым,
Себя, своей природы не познав.
Поэтому печалью наполняюсь,
Поэтому без радости скитаюсь,
Себя и в части малой не сказав.
И философией, и правом увлекался,
И Гегеля, и Маркса изучал,
Поэзией, искусством наполнялся,
Возвышенным и добрым дух питал.
Столярничал, учил, играл в театре,
«Стремленье тщетное» постигнув в Сартре,
Себя ещё ни в чём не исчерпал.

Во всём, во всём несбыточность задатков,
Начало бурное, но... нет конца.
Во всём одни горячие ухватки,
Порывы бесконечные юнца.
Вот-вот за что-то с жаром ухватился,
Душою пылкой весь воспламенился,
Но пламень снова не обрёл венца.

Зачатым быть, но так и не родиться:
Где силы брал, чтоб дух свой укрепить
И в новый путь со страстью устремиться,
И в новом пораженье не остыть?
С одной лишь целью духом надрывался,
Чтоб он со мной в могиле не остался
И радости от творчества вкусить.

Как много дум, исканий было сколько:
Однако суть свою не обнажил.
В стихах вот этих выразился только,
Лишь в них немного душу приоткрыл.
Куда же делись многие задатки,
Зачем боролся, жаждал в жизни схватки?
Я счастливым в борьбе с собою был!

Оле

Вечер, в ночь переходящий,
Тайны полумрака.
Взгляд красивых глаз манящий,
Звёзды зодиака.

Там, в безмерности пространства,
Тишь ночи какая!
Россыпь звёздного убранства —
Благость неземная!

Здесь, в небесном осиянье,
Ты стоишь такая,
Как Венеры изваянье —
Статуя живая!

Тайны неба и земли
Слились воедино.
Мы с тобой их унесли

В этой ночи дивной.
Весь охваченный Луной
Небом наслаждаюсь.
Мигот чудным и тобой
В счастье наполняюсь.

Ты сам себе начало и конец,
Ты сам себя мельчишь иль возвышаешь,
Ты сам себя целитель и творец,
Ты сам своей судьбою управляешь.

Ты матерью для жизни нарождён,
Зачем же ждёшь «загробный мир» со свечкой?
Не будь небесным царством пленён,
Не будь в руках священников овечкой.

Они при жизни в царствии живут,
Во злате в храмах «божьих» пребывают,
Заветам ветхим, скромности неймут,
Хотя мирянам (пастве) их внушают.

Кто верой в бога яро устремлён,
Не просто он в иллюзиях витает,
Враждою к иноверцам ослеплён,
К иным богам терпимости не знает.

Единый бог – отказ от своего:
Не может быть иного разрешенья.
Веками быются люди: "Кто – кого?".
И в этой битве – нет меж них прощенья.

Религия – основа не добра,
Основа зла, иллюзий, лицемерья.
И там, где много верных ей: беда.
Тому «священный» город подтвержденье.

В «священном» граде – вечная вражда,
И будет так, пока он существует!
Здесь каждый жаждет «страшного суда»,
Что он всем иноверцам адресует.

Народы сами, муллы иль попы
Виновны в столь жестоком разобщенье?
Свои "овечки" каждому нужны:

Виновны те, кто занят «пострижением».

Умрёт пастух, но паству не отдаст,
Поэтому богов различных много,
Поэтому так пыжится схоласт,
Поэтому единого нет бога.

Родились мы, чтоб жизнью наслаждаться,
В здоровом теле, духе пребывать,
Добром, умом и силой наполняться
И страсти все рассудку подчинять.

Родились мы, чтоб к звёздам устремляться,
В познаниях свободу обретать,
В своих делах бессмертными остаться,
Природу для потомков сберегать.

Людская сущность – в поисках, сомненьях,
В деяньях мы, как люди, предстаём.
И только в них, как в собственных твореньях,
Не будем смертны, духом не умрём.

Ночь, вдали за горизонтом
Тучи наплывают.
Двигаясь косматым фронтом,
Ужас нагоняют.

Ветер всё сильнее дует,
Тучи подгоняет.
Зло небесное ликует —
Молнии играют.

Дождик редкими струями
С чёрных туч сорвался.
Гонит тучи Зевс вожжами,
На конях промчался.

Бой небесный развивая,
Молнией сверкает.
С треском небо разрывая,
Силушку пытается.

Всё темно, как ночью, стало,
Дождь потоком хлещет.
Жуть вселенская предстала —
Вся стихия блещет!

Из неба здесь потоки льются,
И стрелы молний грозно бьются,
Вдали же солнышко пылает,
Из тучек землю освещает!

Сколь чуда разного в природе,
Театр стихий смотрю на небосводе,
Начал различных представленье,
Небес неведомых творенье.

Мне скуку дождик навевает,
И пекло солнца утомляет.
Борьба стихии дух волнует,
В её страстях он торжествует.

Печаль о сущем, о себе,
Печаль о детушках родимых,
Печаль о матушке, отце,
Печаль о днях необратимых.

Избыть бы как в себе печаль,

Преодолеть её как слабость?
И как оставить ту печаль,
Что силой полнит нашу жалость?

Загубит род людской себя,
Коль злоба жалость одолеет.
Ничто не сделает судья,
Когда вне разума звереем.

Я думал, что поэты – от природы:
Не всем стихами мысль слагать дано.
Так в тусклой прозе и промчались годы,
Но вдруг открыл в поэзию окно.

Напряг какой, какая это мука
Идеи, чувства в рифму заковать,
И ритм идей ли, мыслей, чувств и звука
В верёвочке словесной соблюдать.

Напряг какой, а с ним восторг и радость
В стихах потоки мыслей оставлять,
Тисками воли схваченную слабость
В победном чувстве ритма обуздать!

Море, музыка, волна,
Солнце заплывает.
Берег, парень, и она
Тихо напевает.
Парень к девушке прильнул:
«Силы нет расстаться,
Лучше я бы утонул,
Только бы остаться.
Волны б приняли любовь,
Если безразличен,
Ты найдёшь другого вновь —
Путь тебе привычен».
Фыркнув, девушка ушла,
Юноша остался,
Грусть-печаль его взяла —
К морю он подался.
Долго на море глядел,
С милою прощался,
Прошептать «Люблю» успел
И... волнам отдался.

Чайки стонут на волнах,
Женщина седая
Часто здесь сидит в слезах,
Парня вспоминая.

Бегут все от природы в город,
А я в природу ухожу,
По ней испытываю голод,
В ней путь к покою нахожу.

Я в целом не стремлюсь к общению,
Претит людская суета.
В природе больше ощущений
Лишь в ней безмерна красота.

В природе всё меня волнует,
В ней всё загадкою дивит,
То посвист пташки очарует,
То небо синюю одарит.

Одно лишь таинство болота
Не сможет город заменить —
Часами сиживать охота,
Здесь всё способно удивить.

Я – столяр. Стоит жара.
Первая зарплата.
Водку выпил под «Ура!»,
И была расплата.
Всё крутилось, я блевал,
Рвал траву руками,
Как себя я проклинал,
Как скрипел зубами.
С тех далёких юных лет
Ненавижу водку,
И поесть желанья нет,
Глядя на селёдку.

Учитель тот, не знает кто предмет,
Учитель тот, незнанию кто учит,
Учитель тот, не знает кто ответ
И кто детей лишь мыслью в классе мучит.

Он ставит прежде сам себе вопрос,
Гипотезы, проблемы выдвигает,
Урок ведёт он в школе, не допрос,
Во всём детей к мышленью побуждает!

Сыну

Не хватит если сил для завершения
Разбросанных по листикам стихов,
Наполнись, сын мой, музыкой сложенья,
Сплети в едино грёзы чудных снов.

Скорей ночей каких-то несказанных,
Когда измученный дневным трудом
Я вскакивал от мыслей, слов неожиданных,
Свой отдых оставляя на потом.

Мои стихи, внимательно читая,
Представь меня как будто бы живым
И, силою моею наполняясь,
Наполнись сам суждением своим.

Усталость сам своюними:
Глаза прикрой и мышцами расслабься,
В мир отрешённости уйди,
Покою, безмятежности предайся.

Сыну

Из чего? Что? Как? И где? —
Это знания начала.
Ты ищи «Что? Как?» – везде,
Не боясь искать сначала.

Прежде сам познай себя,
Сам открой свою природу —
Только, осознавши Я,
Скажешь новое народу.

Время зря не растеряй,
Но не надо жить в надрыве —
Ум неспешно развивай,
Глуби нет в лихом порыве.

Результат всегда дадут:
Дух нацеленный, упорство.
Нет в природе чудотворства —
Есть упорство, труд и труд.

Плач Марии

Вспоминаю часто молодость свою,

Семьдесят уж скоро, я всё слёзы лью.
Как же мне не плакать, слёзы как не лить,
Как мне одинокой жизнь свою забыть.
Папу расстреляли – родом был поляк,
С мамой нас искали – скрылись кое-как.
Долго мы бежали из Сибири злой —
С матушкой скитались да родной сестрой.
Ох как настрадались, всё не рассказать,
В Пензе затаились, чтоб нас не сыскать.
Милостыней жили, жались по углам,
Чтобы не попасться в лапы палачам.
Сколько приходилось разных мест менять,
Сколько унижаться, сколько голодать.
Но однажды счастье улыбнулось нам —
Мы нашли работу с горем пополам.
Стали мы с сестрёнкой рукавицы шить,
Мама – на пекарне сторожем служить.
Было мне в ту пору лишь тринадцать лет,
А сестре пятнадцать – вот такой дуэт.
Впроголодь мы жили, что там говорить,
Да ещё за угол нам пришлось платить.
Как-то хлеб с работы мама унесла,
И её поймали – ждали, не пришла.
Суд тогда был скорый – дали ей пять лет,
Плакали с сестрой мы – был немилым свет.
После приговора – в фабрику бегом,
Только беспощаден был и этот дом.
Мы не отпросились маму повидать —
Дали по полгода с Валею отбывать.

К богу мы зывали, не хотелось жить,
Только и осталось – плакать и тужить.
Привели в тюрьму нас, смотрим – наша мать:
В обморок упала – как ей устоять.
Чуть глаза открыла – стали воем выть,
Не судьба вот только вместе было жить.
Я в тюрьме осталась чашки, ложки мыть,
А сестру угнали грязь в колхоз месить.
До весны страдала за невинный грех,
Бронхи застудила на работах тех.
В день один вернулись мы с сестрой моей,
Как мы с ней рыдали, как же бились с ней.
Чтобы вновь начальник на работу взял,
В ноженьки упали, горю чтобы вял.
И опять скитались – без угла, родных,
Пять годков прожили с мукой на троих.
Астму подхватила в год лихой сестра,
Я – едва нормальной с той поры жила.
Матушки и Вали нет уже давно
И теперь, наверно, время мне пришло.
Как умру, – не надо крест мне выставлять,
В руки класть иконы, свечки зажигать.
Я не верю в бога, был бы: нам помог.
Мы всю жизнь страдали, жду и свой исход.

.....

Умерла Мария: тихая была,
Безответно в жизни зло людей несла.
В гроб ей ветку ивы молча положил
И слезу нечаянно с нею обронил.

Весь под магией сиянья,
Вперив взгляд, как судия,
Маюсь сутью мироздания:
Звёзды. Ночь. Луна и я.

Диво звёздного убранства
Как умом своим постичь?
Как вне времени, пространства,
Тайну «чёрных дыр» открыть?

Можно ль в хаосе Вселенной
Суть единого понять,
И теорией нетленной
Ум в покое обуздать?

Иль она непостижима
В бесконечности своей,
Суть её неуловима
Вне единства всех полей?

Как познать – то вширь стремится,
То в коллапс сожмётся вспять,
Чёрной дыриной скривится,
Белой выпорхнет опять?

Там – галактика родилась,
Этой – время умирать:
Как салютом заискрилась,
Звёзды стала рассыпать.

Всё в пространстве искривилось:
Что-то сжалось до нуля,
Что-то в массе изменилось,
Равновесье снять суля.

Но пространство, масса, время —
Суть единство бытия.
На самой Вселенной бремя —
В целом сохранять себя.

Ключ найдём ко всем явлениям,
Расшифруем тайны мы.
Даже принцип отклоненья
Схватят русские умы!

Мчатся звёзды во Вселенной —
Знаем, нет ли их закон.
Больше дум о жизни брэнной,
Что проносится как сон.

Н. Илюхе

Вторая половина – май,
На улице – весенний холод.
Тебе вручили пенсионный пай,
Увы, и ты уже не молод.

Промчались годы чередой,
Их бег шальной не остановишь,
Взывай хоть к боженьке с мольбой,
Печалью лишь себя надломишь.

Ты жизнь как радость принимай —
Уйди в абстракции, Никола!
Сам трон себе средь звёзд создай
И плюй на всё с высот престола!

На всё с иронией взирай:
Ты бог, Никитович, Всевышний!
Свободой дух свой наполняй,
Печаль считай как груз излишний.

Привет, Николушка, привет,
Тебя всем сердцем поздравляю,
Тебе лишь – шесть десятков лет,
Прожить до сотни лет желаю.

Глядишь, и сбудутся мечты,
И разум ключ найдёт в бессмертье,
Генетиков пожнём плоды
И будем праздновать столетья.

Устанем только столько жить
И вряд ли выдержат нервишки,
За двести стукнет, – будем выть,
Просить, наверное, смертишки!

Суть наша – истину искать,
Дерзать, творить и сомневаться,
Свою природу распознать,
Любить и жизнью наслаждаться.

Страдания все твои – в тебе,
В твоём к чему-то отношенье.
Уйми страдания в себе,
Живи в спокойном отрешенье.

Т. Мальковой

Природа одарила вас красой
И томно-дивными глазами.
Их жизнь и годы полнили тоской,
И я люблюсь молча вами.

Мой возраст не дает уж посягать
На вашу пылкую взаимность,
Могу лишь стих вам этот написать,
Лелея глаз печальных живость.

Вот так вздыхаем, маемся, молчим —
Друг друга в робости теряем,
На время быстротечное ворчим,
И, старясь тихо, угасаем.

Нам жизнь природой краткостью дана
Для дум, любви и вдохновенья,
Должна быть счастьем, праздником она,
Порывом чувств, а не забвенья.

Я миг случайный с радостью ловлю,
Узнав о вашем дне рожденья,
Здоровья, счастья, долгих лет молю
В ваш день счастливого явления!

В.Еськину

У Вселенной нет начала,
В беспредельной нет конца.
В муках родов не кричала
И не ведала творца.

Не изведала падений,
Не страдала от венца,
Не приемлет чьих-то мнений
В тверди тихой мудреца.

Не познала дней рождений,
Без часов в пространстве мчась.
Нет в ней страхов и волнений,
Мук любовных отродясь.

Где-то, небо сотрясая,
Звёзды валятся в «дыру»,
В целом сил не уменьшая —
Мера держится в миру.

В меру как себя ввести нам,
Слабость как свою унять?
Как противиться сединам,
Как самих себя понять?

Как смеяться в дни рождения.
Мудро чувством управлять?
Как изжить души смятенья
И в себе Всевышним стать?

Как желаний пыл изринуть,
Страстью духа овладеть?
Как в безмолвии не сгинуть,
Вымолвить себя успеть?

Н. Куликову

В порывах чувств, в страстях ты жизнь прожил
И, яростно стремясь к заветной цели,
Ты ярким, умным, мужественным был.
И мы с тобою в шахматы балдели.

С оглядкой все здоровались со мной,
Когда меня из партии изгнали,
А ты породой обладал мужской,
И мы открыто дружбу сохраняли.

Не снёс ты всё же подлостей людских,
Прикрытых позой ложно благородной.
Не сломленным и гордым ты затишь,
Не дав топтать души своей свободной.

Смотрим – звёзды. Многих нет —
Свет один от них лучится:
Светят миллиарды лет —
Столько луч небесный мчится!

И спросил себя: «А я
Буду ль мыслями светиться,
Смерть когда возьмёт меня
И в могиле буду тлиться?».

И сказал себе в ответ:
«Вспомнят, может, только внуки,
Бросив взгляд на мой портрет,
Полистав альбом от скуки».

Вот и всё, и нет меня:
С телом дух уйдёт в забвенье,
Коль не выразил себя.
И решил я в те мгновенья

Мысли, чувства – духа свет —
На земле в стихах оставить,
В них на что-то дать ответ
И людей к добру направить.

Думал я, что все поэты
Просто в рифму говорят,
Сами льют из них куплеты
И подолгу не мудрят.

Потому свою природу
Я в стихах не пробуждал.
И явиться как народу
Сам до старости не знал.

Всё наукой занимался:
Философией страдал.
Только к старости унялся —
Годы жизни растерял.

Только к старости я понял:
Надо ж в чём-то дух раскрыть.
И поэзию я донял —
Стал теорию учить.

Вам судить, не зря ли взялся
Мысли в рифму оформлять,
А вначале так боялся,
Так страшился начинать.

Люблю я заводи глухие,
Лягушек кваки из прудов,
Скворцов присвисты призывные,
Ночные трели Соловьёв.
Люблю туманы над рекою
В часы рассвета наблюдать
И их одевшись пеленою,
В прохладе утренней стоять.
Люблю и небо голубое,
И птиц в полёте провожать,
И, вспомнив время прожитое,
Рукой залётным помахать.
Люблю, в природу удаляясь,
Неспешно по лесу блуждать,
И здесь, покоем наполняясь,
Всю прелесть жизни ощущать.

Мой Гимн России

Веками в неволе стенала Россия,
Столетия народ о свободе мечтал,
Закончилась мрачная эра насилья,
Победу над гнётом народ одержал!

Припев:

Славься, Отечество, наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот,
Славься, Россия моя благородная,
Славься, могучий российский народ!

Величье Держава единством ковала,
Сплоченьем народов огромной страны,
Их братством Отчизна врагов побеждала,
Заветам отцов будем свято верны!

Припев

В грядущее смотрим с надеждой и верой,
Могучей Россию в веках сохраним,
И знамя свободное гордо и смело
Мы в руки потомкам своим отдадим!

Припев

Весна, природа ожила
Теплом, сосульками, капелью,
И новью чувств меня ожгла,
И бело-чёрной акварелью...

2001 г

Годы прошедшие, годы пропавшие,
Ночи в раздумьях и думы уставшие.
Сколько познаний и сколько метаний,
Сколько пустых, неизбывных желаний!

Сколько потеряно времени ценного
Духа заядлого, духа безмерного!
Как наверстать всё, где силы набраться,
Чтобы как можно полнее остаться?

Постигнув многое, безжалостно поймёшь,
Насколько ж ты ещё несовершенный,
С печалью осознаешь: годы не вернёшь.
Но как узнать, что путь прошёл неверный?

Сорок первый, сорок первый,

Орды немцев под Москвой.
Сорок первый, сорок первый,
Мама мучилась со мной.

Сорок первый, сорок первый,
Жуков войско собирал.
Сорок первый, сорок первый,
Маму я в живот бодал.

А она! Она, бедняжка,
Как же мучилась она:
Третьего на свет рожала,
А кругом была война...

Наши всюду отступали,
Чуть ещё – сдадут Москву.
А её... в живот толкали
Ножки детские в паху...

Семимесячным родился
И лишь с возрастом узнал,
Что отца тогда лишился
И дитём любви предстал.

Сколько нас таких родилось,
Сколько жило без отцов,
Сколько слёз над нами лилось,
Как сиротлив был наш кров.

Сколько мам любви лишила
Та ужасная война,
Сколько судеб изменила,
Сколько жизней унесла.

Где мы с мамой не скитались,
Не искали свой приют,
Боль и слёзы нам достались,
Не помог ей бог и тут.

После всё решилось как-то,
Обрели и мы очаг,
Да в чужой семье несладко,
Долго жили кое-как.

Шесть десятков лет минуло,
Сердце памятью щемит,
В сорок первом полыхнуло,
А душа ещё болит...

Племхоз. Сижу, как жук, копаюсь
В счетах, платёжках, векселях.
Весна, а я с главбухом парюсь,
В коровьих маюсь отраслях...
Юристом быть – нет хуже муки:

Вся жизнь в законах и судах.
В бумагах чахнешь и от скуки
Невольно взвоешь, как монах.

Ты не забыл, читатель мой,
Пошмыгать по двору трусцой,
Отжаться, телом покрутить,
Присесть раз сорок, походить?

Глубоко носом подышать,
Вдохнуть и воздух придержать,
Согнуться ниже, постоять,
К коленям голову прижать?

Нельзя о теле забывать,
Все мышцы надо укреплять,
И знать не будешь, где хондроз,
Излечишь вовремя артроз.

От малых трудностей вопим,
Трудиться умно не хотим,
Движенья телу не даём,
Ещё и курим, водку пьём.

Страстям, страданиям предаёмся,
Никак в надрыве не уймёмся,
Частенько в злобе пребываем
И долго жить ещё мечтаем.

Учись собой овладевать
И напряжение снимать.
Глаза прикрой, совсем расслабься,
И мыслям ни о чём предайся.

В тумане мыслей, слов живу,
На мир реальный натываюсь
И в этом царстве грёз брожу,
И жизнью как бы забавляюсь.

Не стой внизу, а вверх стремись,

К вершинам мыслящего духа!
Да только – чур! не надломись —
Не дремлет чёрная старуха...

Старик

Сибирь, мороз, гостиница, старик.
Глубокий шрам во всё лицо кривится,
Совсем зарос рубленый саблей лик,
И шрам на нём от холода сочится.
Он руку вытирает о пиджак,
Когда ладонью лимфу промокает,
Ногой короткой двигает кой-как,
Рядок медалей изредка бряцает.
Из валенок высоких, не спеша,
Старик достал бумаги, сигареты,
Газеты вынул, молча шебурша,
Затем из пиджака извлёк билеты.
Союзу комсомола – пятьдесят!
И кинул он в продажу лотерею,
Чтоб поддержать райкомовских орлят,
А с ними коммунизма эпопею.
Торжественно, но всё ж таки гуртом
Тогда в ряды союза принимали,
А кто-то шёл с расчётливым умом —
В нём в должности быстрее расти давали:
Лишь член союза в вузы мог попасть

И в партию оттуда ж принимали.
А партия – действительная власть,
И много потому в неё вступали.
Не зная толком ленинских идей,
Орлёнок рос, хоть в равенство не верил,
И, преданно молясь, взрастал быстрее:
Аршином ленинским людей всех мерил!
Сказать здесь невозможно, делал кто:
Идею – он, его ли – та идея.
Сейчас для большинства она ничто,
Звучит как бред, пустая ахинея.
В те годы очень многие из нас
Её, как веру в бога, принимали.
И за неё, неровен был тот час,
Друг друга братья в злобе убивали.
Но если в целом время оценить —
Идея та народ закабеляла,
И все усилия её достичь
Сама реальность жизни посрамляла.
Как не кричали бодро "развитой!" —
Пустые были полки в магазинах,
И Запад оказался не гнилой —
Его богатства виделись в витринах!
Тогда у тех, кто мыслью честно жил,
Настало время робких, но сомнений,
И хоть нам идол головы кружил —
Пошёл уже процесс с собой борений.
Но здесь: «Вы комсомолу помогли,
Купили лотерейные билеты?"

И мы все словно к стульям приросли,
Один старик сурово ждал ответа.
Изрубленный гражданской войной —
(Едва живым тот дед на ней остался),
Стоял он, гордый, нищий и больной,
И преданно за символы сражался...
Как можно было, глядя на него,
От тех идей так сразу отрешиться?
И жизнь прошла, а вижу я его,
И мочи нет над святостью глумиться.
Я помню Красноярск и Енисей,
Где мы "Орлёнка" часто напевали,
И старичка, что был не фарисей,
И валенки, что плоть его держали.

Я не знаю, где болгарин,
Где чеченец иль мордвин.
Ты в крови моей, татарин,
А мой друг Гурам – грузин.

Как мне чужды различенья
По родам и племенам,
И по верам разделенье,
И различья по чинам.

Мы же раз по свету бродим,
Только раз один живём,
И себя ещё изводим
Неразумным бытиём.

Люблю я лес и перелески,
И дол, и даль, и тень от туч,
Берёзок длинные отвески
И спуск с высоких долгих круч.

Когда в машине мчишься ветром,
С природой чувства соединишь
И всё кружится в вихре этом,
И вихрем сам себя пьянишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.